

ВАЛЕРИЙ ГОРЕЛОВ



**ВРАЗУМЛЕНИЕ
КРАСНЫМ**

**И КОМФОРТ
ПРОЖИВАНИЯ**



СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Горелов

**Вразумление красным
и комфорт проживания**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горелов В. Н.

Вразумление красным и комфорт проживания / В. Н. Горелов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Двое мужчин, так непохожих друг на друга в своих жизненных убеждениях, политических взглядах и карьере, оказываются связаны церковной реликвией - христианским крестом, подаренным ещё цесаревичу Николаю. Один из них - убеждённый коммунист, другой же верит в Бога. Пока один строил политическую карьеру, второй познавал прелести детской тюрьмы. Их истории наполнены болью, радостью, горечью и стыдом. А крест же прошёл долгий путь от Елеонской горы до Приморского края. Его закапывали, держали в хранилищах языческих реликвий, срывали с церкви и водружали. Крест видел многих на своём пути, но эти двое станут для него важными фигурами...Содержит нецензурную брань.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Часть I | 6 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 39 |

Валерий Горелов

Вразумление красным и комфорт проживания

1619 – 400 лет – 2019

... Не все дошли до океана.
Кто не дошел, того прости.
Россия, помнишь ли Ивана,
Чей Крест стоит на полпути?
И. Тарасов «Первопроходец»

24 июня 1619 год. Интронизацию Филарета по чину прославления первого Московского Патриарха совершил прибывший в Москву Иерусалимский Патриарх Феофан III.

Царь Михаил Федорович и Патриарх Филарет утверждают первый Архиерейский дом в Сибири (Тобольск) во главе с Владыкой Киприяном, бывшим настоятелем Хутынского монастыря в Великом Новгороде. Царь Михаил Федорович вручил ему золотой Крест с надписью «Повелением Государя Царя Великого, Князя Всея Руси, Самодержца Михаила Федоровича и отца его, Великого Государя, Святейшего Патриарха Московского, Филарета Никитича, сделан этот Крест в царствующий град Сибири преосвященному Киприану 7129 год». Филарет жалует архиерейский жезл с выбитыми словами «Патриарх Филарет», а Иерусалимский Патриарх Феофан III для самой обширной в истории христианства епископии – Крест с Елеонской горы Филарета Милостивого в ковчеге с гербом Иерусалима «С благословением несения веры Христовой к Тихому океану». Крест Елеонский не был передан в собственность русской церкви, оставаясь частью Святой Земли.

С 1620 по 1624 год первый Архиепископ Сибирский пробыл в Тобольске, оставив после себя добрую славу, но за четыре года служения, продвижения Креста Элионского на восток, к океану, возможности не поимел, как и его последователи – Архиепископы Сибирские Макарий, Нектарий и Герасим. И только Семион в 1650 году отрядил Ковчег с Крестом с отрядом Е. Хабарова в Амурскую экспедицию. Он верно учитывал, что Хабар – старинное русское родовое прозвище, означающее удачу и везение. Но уже в 1652 году более ста человек из отряда Е. Хабарова уводит Стенька Поляков вместе с Ковчегом. Хабаров настигает их и сжигает острог, основанный им в 1653 году. Но Крест Елеонский пропадает в земле гиляков.

Часть I

Земля гиляков

1969 год, месяц июль. 14 лет, песни петь хочется, седьмой класс позади, на огороде картошка взошла. Утром бегаем – проверяем, переживаем. Бывает, взойдет, а ночью – туман, и ростки превращаются в скользкие ниточки. Тогда зимой плохо – голодно. Едим сухую картошку с сухим луком на сивучевом жире.

Жду вечер, песни будем петь. У нас своя тусовка. По переулкам, между катухами и бараками, бегаем по завалинкам на крохотный железнодорожный вокзал с узкой колеей и маленькими дрезинами. Хорошо было на вокзале: всю ночь горела лампочка, и было две крепких скамейки. Нам хватало. Ругали нас и гоняли, но куда там, возраст звал к романтике и нежным чувствам. Одного начинающего гитариста с семистрункой тоже хватало. Девчонки тоже приходили, правда, уходили рано. Без них и пелось уже не очень. Курили, кто что принесет, и в «чику» играли, если было на что.

Оттуда мне, малому, и довелось уехать во взрослую жизнь. И должно было: родился-то на улице Вокзальной, в бараке номер пятнадцать. Это такое строение со стенами-перегородками, заполненными землей. В этих перегородках всю зиму веселились крысы, и земля частично высыпалась. Иногда можно было увидеть улицу в дырочку в стене. Но не замерзали. Радиаторы были в виде толстенной трубы вдоль стены, температура такая, что при прикосновении получаешь моментальный ожог. Барак был длинный, с узкими коридорами, всегда полутемный. Детей много, кухня общая. Сортир очень страшный, на улице. Все тут на жительство оказались по разным причинам. Я здесь жил до шести лет, здесь и умирать пытался. Бараки вокруг обрастали хижинами, одну из которых приобрели мои родители году в 1961-1962. Рядышком, в проулке. Три комнаты и огород.

Отец пил, кажется, всегда. Работал слесарем, монтировал турбины на ТЭЦ. Ходил всегда в кирзовых сапогах и спецовке замасленной. У проходной, метрах в двадцати, наверное, стоял киоск, синий такой. Он всегда работал, а полная женщина с очень красным ртом торговала там спирт на разлив, стаканами. Вот папа и угощался. Особенно начал без прорыва, как я в школу пошел. Он был добрый, тем и жил, наверное. Его пьяного только наш участковый боялся. Уж больно тогда форма милицейская была блестящая, а у отца была какая-то ревность к погоням. Вот и доставалось тому.

Их было три «мушкетера» с Поволжья. Папа мой, 1923 года рождения, дядя Гоша и дядя Аркаша. Не знаю их дат рождения, знаю только даты смерти. Они дружили всю жизнь. Общались каждый день, чаще всего в соседнем бараке, в комнате у дяди Аркаши – он жил один. Из детей в их троице был один я, и потому мне приходилось порой присутствовать. Круглый стол, абжур над ним из газет, здоровенная кадка с засохшим фикусом, массивный шифоньер и три табуретки. Все проходило по одному сценарию: на стол выставляли бутылки-бескозырки, стаканы, да и все, наверное. Они мало разговаривали, пили и сильно курили. В округе пацаны постарше очень вежливо здоровались с дядей Аркашей, всегда с большим уважением. Школьная директриса на все праздники пыталась затащить его в школу, и он ходил, хромоногий и худой. Он не выкинул ордена. Он свой свитер с орденами надевал перед школой и, выходя, снимал. Эти награды я видел в шкафу, их было столько, что кофта рвалась от веса и потом просто валялась на нижней полке шкафа. По возможности я всегда с большим любопытством копался в этом свитере и трогал ордена руками. А как-то взял, да и спросил:

– Дядя Аркаша, а за что Вас наградили таким красивым орденом?

Отец говорит:

– Покажи-ка, сынка!

Я показал, отец сразу оживился, и, обращаясь к дяде Аркаше, заговорил:

– Так это было летом, на Кубани, в сорок третьем году. Мы тогда украли ящик тушенки с продсклада и пошли с учительницами знакомиться.

Я не понял, за что наградили, но с полчаса оживление между ними не проходило. Но в кофте с орденами я его так и не увидел. В год, когда я пошел в школу, его убили. Отец приехал с похорон и свое мужское горе опять же заливал водкой.

Аркадий, урожденный Адольф, поволжский немец, был зарезан в городском парке в мае 1962 года в Карпатах, которые он освобождал от фашистов.

Слава героям!

Отец был с фронта партийным и гордился этим. На лацкане его единственного пиджака прямо горел красным значок Ленина со Сталиным.

Моя бабушка, мамина мама, также с барака, правда, с другой улицы. Когда мой отец приходил к ней, всегда прятала за открытку «С Первым Мая!» маленький бумажный лик Христа. Впрочем, она никому не открывала, пока такое не проделывала. Не говорила о Христе, а на мои вопросы отвечала:

– Внучок, вырастешь – познаешь...

Земля гиляцкая не была ни языческой, ни христианской, она была безбожной по своему существу. Но к счастью, это только казалось. Детей рожали много, но и умирало их много, во младенчестве.

Я собрался умереть, не дожив до трех лет. Уже известны были симптомы детской смертности, они были страшные: судороги и удушье. А я – слабый от рождения, худой, пузатый и кривоногий. В ту февральскую ночь у меня начались судороги. Отец был пьян. Мать со мной на руках выскочила в коридор барака и начала истошно кричать. И помощь пришла. Это был очень странный жилец нашего барака. Не старый, но совсем седой, с прямой спиной, дядя Володя. Он ни с кем не общался, не пил, не курил и почти не выходил из своей комнаты. Мать уже понимала, что я не выживу, но он сказал: «У него теперь только один доктор», и завернув меня в одеяло, вышел на крыльцо барака. Метель, снегу по грудь, ночь.

Мне неизвестно, как все было, эти два часа во тьме и снегу, но донесли меня живым до сезонного городка – скопища бараков, обитых черным толем с маленькими оконцами. Дверь открыли, на полу мешковина, под ним люк, его подняли. Внизу горели лампадки, и люди славили Христа. Там я был крещен, и крестным моим стал дядя Володя. Он умер, когда мне было пять лет. Вроде, он сильно простыл в ту ночь. Никогда не забуду людей, которые приехали с ним попрощаться, их было очень много. Они казались мне очень большими, потому что были в шляпах и длинных плащах. Эти люди были совсем из другого мира. Моя мама сказала мне подойти к гробу, и я подошел. У изголовья стояла очень красивая женщина. Я посмотрел на нее и сказал, что это мой крестный папа. Она заплакала огромными слезами, и я заплакал. Гроб был красный, и повезли его хоронить, лишь бы не в Кремлевской стене.

В тот год Гагарин полетел в космос, но ничего не поменялось. Пить меньше не стали. И даже в тот день пельменей, как на Новый год, не было. Зато сосед бражкой из чайника меня напоил. Отец гонял его потом по улице. Сосед был с соседнего барака, Коля – тезка моего папы. Семья у него была большая, шестеро детей. Он – плотник, маленький, кряжистый и лысый, в любую погоду носил топор за ремнем телогрейки. Нинка – дочь его, моя одноклассница, а сестра ее, Томка, уже во втором классе. С Нинкой мы учили таблицу умножения, сидим на корточках. Дядя Коля пришел с работы, борщ ест, весь красный и потный с холода. По очереди повторяем: «Трижды один – три, трижды два – шесть, трижды три – ...?». Нинка губы надула, думает – и никак. «Папа, сколько будет трижды три?» – спрашивает она у дяди Коли. Тот

собрал все морщины на лбу и забубнил себе под нос, потом прыг с табуретки и на нас с Нинкой: «Что, сопляки, отца учить вздумали?!» – и погнал нас по коридору.

А солнышко встало утром и согрело всех одинаково – и праведников, и грешников. Слава солнышку!

Домик был старый и ветхий, отец, когда не пил, всегда что-то ремонтировал. Мама землю ковыряла, картошка мелкая, капуста- черноножка. Хорошо рос только мак, зимой его огромные головы гремели на ветру, выглядывая из сугробов, как пришельцы. А малина под всеми заборами плелась мелкая, но удивительно сладкая и ароматная. В доме я понял, какой у меня любимый цвет. До конца июня снег, потом все грязно-серого цвета и туманы. Но чудо появлялось каждый год – это сорный иван-чай. В его розовом цвету была моя и поэзия, и музыка. А потом – желтые одуванчики.

Отец пил, но работал, тогда можно было так. Сестра родилась, спала в корыте оцинкованном. В те годы голодно что-то совсем было. Мне было девять лет, а сестре три. Помню, как мама плакала. Это был день аванса. Мы сидели с сестрой у окна и смотрели на марь, ждали маму. В такой день она всегда приносила что-нибудь вкусное. Еда всегда была вкусная. Долго нет матери, уже вечерет, сестра ревет, просит кушать. Я плохо тогда поступил. Достал из подпола последнюю банку тушенки, которая была без надписи и в солидоле, и мы ее съели. Мама пришла поздно, аванс не дали. Она открыла подпол, опустила туда ноги и стала плакать.

Вспоминайте материнские слезы.

Третий класс в школе. Сижу за одной партой с дружкой Санькой. Сегодня сочинение, тема: «Кем хотите стать?». На доске примеры профессий: космонавт, летчик, пограничник, милиционер. Все какое-то не наше. У меня мама – кочегар, а у него мама – завсклад. Я любил к Сашке в гости ходить, он частенько мне за майку с вазы высыпал конфеты и в дверь вытаскивал, чтобы мать его не увидела. Я раз у своей мамы спросил, почему у них всегда конфеты и печенья в вазе, много всего. Мама ответила: «Придет время, сынок, Бог даст тебе конфеты, а пока скушай морковку». Добрый Санька позже в «ремеслухе» убил мастера заточкой из напильника и сгинул в лагерях. Мать его умерла, а дом сгорел. Как-то так.

В километре от дома – клуб. Фильмы там крутили все для взрослых, но зато там была библиотека и при ней очень добрая женщина, чьего имени я не помню. Там я зашагал по всему миру. Майн Рид, Джек Лондон, Марк Твен, Р. Льюис Стивенсон, Конан Дойл, появились Куприн, Чехов, Сервантес, Стендаль и Золя. Т. Драйзер только чего стоил, даже то, чего не понимал, было интересно, как радио в полусне. Было много книг до четырнадцати лет.

А рыбалка – это любовь всей жизни. В продаже рыбы не было, куда ни походишь – везде море. Только это ЗП, всю береговую линию охраняли, запрещено было иметь даже захудалую лодку. Может, не всем? Ходили с друзьями на озеро, за десять километров, по захудалой дороге, в сапожищах, гальянов ловили, жарили на костре и закусывали зеленой брусникой. Всегда допоздна. В сумерках выбирались на дорогу и всматривались вдаль. Если видели столб пыли, значит, уедем. Ни один грузовик не пройдет мимо детей в лесу. В кабину самосвала порой нас, рядом с шофером, умещалось еще пятеро. Да еще и с бардачка угостят погрызенным куском хлеба.

И еще была забава – мы готовились к ней всю зиму. В проулке к чему-то и как-то было прилеплено жильё с одним маленьким оконцем. Там жил дед, очень старый, и звали его Чапай. Имени настоящего, наверное, и не знал никто. Легенда была, что он у Василия Ивановича служил в дивизии. То ли умер он, то ли повесился, нам, пацанам, было неведомо, но в его халабуде мы нашли ружье, одноствольное, сломанное. Долго мы его ладили, ржавчину чистили, отмачивали в керосине. Ставили гвоздь вместо бойка и стреляли. С чего только стрелять? Всю зиму готовили патроны шестнадцатого калибра, успевали снарядить две-три гильзы, серые от спичек, с пыжами из старых валенок и рублеными гвоздями. Самое сложное было – это

капсули, добывали их из разных источников, потом забивали ложкой. Памято получалось, но работало.

Потом, когда на мари сходил снег, из-под него появлялись поля прошлогодней клюквы, и к нам, почти под огороды, каждый год прилетали какие-то странные птицы похожие на куликов, только здоровые, как утки, но с длинными, загнутыми носами. Они, наверное, с неделю гуляли здоровыми стаями по клюквенным россыпям. Один из нас с ружьем ложился в воду между кочками, а остальные гнали на него этих птиц, а те и не взлетали выше метра. Если налетали на засаду, и все срабатывало, то первое и главное было – спрятать ружье. На выстрел прилетал участковый и его активисты. Потом пир у костра – суп из птицы и хлеб с черничным вареньем.

В ту весну погиб дядя Гоша. Упал с турбины на бетон и убился. Отец совсем высох и сморщился.

1966 год. Чемпионат Мира в Англии, сборная СССР заняла четвертое место. Это был последний чемпионат мира по футболу, который транслировался по ТВ в черно-белом изображении. Я дочитал «Дон Кихота» и споткнулся, как-то вдруг уяснив для себя, что в этой книжке только рисунки детские, а книга-то для очень взрослых. Детство, похоже, заканчивалось. В этом году вышли на экраны фильмы «Я родом из детства» и «Вертикаль» с В. Высоцким. С его песнями как-то всего у меня много стало. И так было все остро, еще сильнее обострилось. Я-то точно знаю, почему у этого пророка так судьба сложилась, никому просто не скажу.

19 мая. Четвертые классы все в белых рубашках, а девочки еще в белых бантах. Будут в пионеры принимать. Галстуки не забыли принести. В школе нашей начальной несколько человек носили нательные крестики, их все в школе знали. Считалось, что они из неблагополучных семей, к ним относились, как к больным. В пионерстве им было отказано, но я крестик не носил, потому и удостоился. Построили наши три четвертых класса в коридоре в две шеренги. Из ленинской комнаты притащили бюст Ленина – белого, с большим блестящим лбом и заранее повязанным галстуком. По сценарию, под бой барабанов, первый ряд поворачивался ко второму, и мы повязывали друг другу галстуки. Моим «повязателем» оказался очень противный Павлик из параллельного класса – грязнуля, все время в чернилах ходил и сморкался беспрерывно. Галочка мне бы лучше повязала, но девочек предупредительно выстроили отдельными парами. Вторым актом председатель совета отряда кричал речевки, а мы выкидывали руку и отвечали, что всегда готовы. Так я стал коллективным членом пионерской дружины имени Глеба Жеглова. И все красное такое кругом, «и Ленин такой молодой, и юный октябрь впереди».

В пионерлагерь брали только пионеров, и в июне в местком маме выдали путевку для меня. С этим известием я не спал пару ночей, все фантазировал. Собрала мне мама балетку с трусами и носками, посадила в автобус с огромной вывеской «Дети», и отправила сына своего худого и все еще кривоногого в самостоятельное плавание. Лагерь мне понравился сразу, особенно то, что легко можно было убежать к узенькой речушке, в пяти метрах от ограды. Крючки и поплавок из-под бутылки вермута я-то взял и червей нашел на помойке у столовки.

Первые два дня готовился, выжидал удобный момент. И подельник нашелся, и день был назначен, и удило срезано тайно после отбоя. Пойдем завтра, сразу после обеда. Мечтаем наловить рыбы, принести на кухню со словами «ухи на всех», и станем пионерами-героями. А утром к дружку мама заехала, ехала мимо, привезла банку варенья и одну рыбу, страшно соленую. Мы ее быстро съели и до обеда лакали воду с вареньем.

«Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих!» – пели и маршировали у входа в столовую. У самой двери в столовую пионервожатые в красных галстуках: наша красивая Маргарита Ивановна, лет двадцати от роду, и еще такие же. Парень-физрук, наверное, уже отслуживший, крепкий, белозубый и кучерявый, все жался к нашей Маргарите Ивановне

и хохотал задорно, аж приседал. И тут началось... Маршировать было уже не вмоготу, думал, напишаю в сандалии. Если не сейчас, то заведут в столовую, и там точно это случится. Я сделал из строя три шага за разрешением, меня даже никто не услышал, а физрук увидел и со словами «В строй, салага!», отвесил мне здоровенный подзатыльник. Мои маленькие кривые ноги подломились, и я упал в клумбу, в землю лицом и, вероятно, описался вдруг. Какой был смех, звонкий, пионерский, примерно в шестьдесят ртов: сверстников и старших вождей...

Ох, не надо мне было читать Вальтера Скотта! Я, грязный и мокрый, кинулся бежать, куда не знаю. Что меня погнало за ближайший барак? К первой-то смене рабочие не успели сдать лагерь и мастерили забор. А у рабочих тоже время обеда. На кирпичках стояла полубочка на огне, и в ней был квач, и смола черная булькала. С квачом я и побежал назад. Физруку, видимо, было стыдно убежать, он начал ловко уворачиваться и прилип пару раз. Потом катался по земле, скулил и орал, может быть, тоже описался. Вечером всеобщая линейка, физрука не было, а Маргарита Ивановна была. Она и снимала с меня красный галстук под барабанный бой, и тихо так сказала на ухо: «Он мне тоже не нравится».

Ночевать в отряд меня уже не пустили, сказали: «Только для пионеров». Спал в каких-то судорогах, у сторожа-плотника – старика-татарина. Он мне сказал: «Сынок, пошли их всех нахуй», – я тогда уже знал, куда это.

Утро было раннее, еще солнце не поднялось, а мама уже была на проходной. Из месткома вечером прибежал посыльный, с приказом забрать ребенка-выродка из лагеря. Автобус, на котором мама приехала, куда-то заезжал, а потом возвращался, и надо было успеть на возврат. Она меня тащила за шиворот по грязной дороге, сильно била балеткой и очень-очень плакала.

Наступил новый 1967 год. Дома традиционная елка, отец ее притаскивал из леса, всегда кривую, но пахучую. Наряжали ее фарфоровыми космонавтами и картонными попугаями. А конфета моя висит на самой верхушке, хожу и думаю, что если съесть ее, то и Новый год тогда закончится. А висит-то одна обертка, сестра ее давно уже съела. Бутафория, значит. А в деревянном ящике под кроватью, в деревянной стружке, яблоки. Два мандарина и ириски «Золотой ключик» в пакетике из слюды с работы отца. Новый год – праздник с запахами мандаринов и пельменей, самый лучший праздник детства.

А страна уже готовилась к своему празднику. В школе повесили новый большой и очень красный плакат «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи!», и мы стали серьезнее к урокам относиться. В СССР введена шестидневная рабочая неделя. Шестидневная война. Израиль освобождает Восточный Иерусалим. А отец притащил собаку-овчарку, здоровенную, цепную, серую, по кличке Джек. Будку соорудил у калитки и приковал ее цепью от подъемника. Зачем такое надо было? Тот пытался укусить любого, в том числе и нас, больших и маленьких. Кобель сидел на будке с налитыми кровью глазами, зверь какой-то. Но уже весна, июнь кончается. Укусил Джек домоуправа за голову, зеленую шляпу всю обслюнявил, а очки упали на землю и сломались. Оказалось, что они уже в том месте были нитками скручены, потому все мирно закончилось. Джека без покаяния простили публично.

Огород, долго бабушку не видел, а тут пришел. А у нее друг появился, а может, был уже давно. Если она была Александра Александровна, то друга звали Иван Саныч. Он был с богатой, совсем седой шевелюрой, глубокими темными глазами, маленького роста и в красной рубашке в темную клетку. На бабушке было какое-то загадочное платье, точно из старого гардероба, но новое, с цветами. Сидели они друг против друга и курили папиросы «Север». Я как-то смутился и пробыл недолго. И я опять на пашне, пацаны в сапогах за гальянами, а я лопату с мокрой глиной поднять пытаюсь, опираясь в колено. У них еще, похоже, не начались трудовые будни на огородах.

Солнечный ветер надул во все подзаборы проулка, да и вообще везде, желтые одуванчики и бабочек-капустниц. 19 число, июль. Мне сегодня 12 лет исполняется. Отец и мама ушли рано на работу, обещая сегодня прийти пораньше. Пришла бабушка и тут же ушла в магазин. Мы остались с Иван Санычем для исполнения важной мужской работы. Старую дверь надо установить на два сломанных ящика, вроде как стол в нашем дворике. Радость тепла, сладость торчащих из щелей веточек смородины с набухшими почками, источали аромат лета. Мне дружок еще вчера подарок подарил, он приятно чувствовался в кармане штанов и бодрил. Иван Саныч все время спрашивал, сколько гостей будет. Дверь была маленькая, но я был уверен, что мы все уместимся за ней, покрытой слежавшейся квадратами клеенкой с запахом нищеты.

Наверное, грань очень тонкая между появлением и явлением, но она все же должна быть обязательно. Это было ни то, ни другое. У калитки стоял человек, а Джек молча и неистово лизал ему руку. Он был в спецовке, как у папы, только белой, в такого же цвета неопределенной шапке-берете и здоровенных кирзовых ботинках с клепками. Он, как-то нелепо высоко поднимая колени, сделал три шага к нашему гоп-столу, и произнес тихо, но внятно, тонкими бледными губами: «Здравствуй, генерал и дважды герой!».

Иван Саныч, только раз глянув в его сторону, тяжело пустился на ящик, ничего не ответил. Он склонил седую голову и сжался, незнакомец опустился на другой ящик, снял свой берет, голова была без волос и белая. Она казалась мне какой-то мягкой.



– Они нашли тебя, генерал, и завтра придут. Есть распоряжение к тебе применить указ от 19 апреля 1943 года, номер 0283. Но не успеют. **Он** послал меня и хочет, чтобы ты тихо и спокойно умер.

Иван Саныч поднял голову и сухим, но не испуганным голосом спросил:

– Ты же сгорел на моих глазах над Кубанью в апреле 1943 года, в «Р-39»?

Незнакомец без паузы ответил:

– Сгорел, но был приземлен на другом аэродроме.

Я только сейчас заметил, что зрачки у него как-то напряженно сужались и расширялись в такт произносимых слов.

– Ваня, ты же от этих благодарителей бегал больше десяти лет. В квартире твоей, на метро Академическая, всегда засада. Понял ты теперь, что кроме летчиков Люфтваффе, есть чудовища страшнее, и они в твоём доме...?

Иван Саныч кивнул головой.

– Это ты развернул тогда всех, – продолжил странный собеседник. – А знал ли ты, что такое операция «Вразумление»?

– Нет, – ответил Иван Саныч. – Понял, только когда сел за штурвал «ТУ-4А».

– Какого цвета было вразумление? – опять спросил незнакомец.

Иван Саныч вздрогнул, резко побледнел и проговорил:

– Шесть тонн с «красным подбоем».

Я мало что понимал, и даже не заметил, что все время кручу подарок друга в руке. Это был орден Отечественной Войны. Правда, «серп и молот» у него отсутствовали. Они где-то потерялись в непрерывных мальчишеских обменах, но зато была закрутка. Гость каким-то неопределенным жестом дал понять, чтобы я положил орден на стол. Я положил и сказал, что у меня день рождения сегодня, и это подарок друга, а он ответил, что такое не может быть подарком и потому это надо закопать в землю. Он добавил, что мне придется жить, когда власть будет крепиться культом мертвых, ложно полагая, что мертвые голосуют только «за». Тогда податели благ опять окажутся славящими власть нечестивую. От всего непонятого я был напуган.

Иван Саныч был как парализован. Было ощущение, что разум его медленно оставляет. Кто-то, кто был неизвестно кем, надел свой берет и встал. И я встал. Он вдруг оказался одного роста со мной, хотя заходил совсем другим, протянул руку и коснулся моей макушки. Я руку еле ощутил, но она точно вибрировала. Последнее, что я отчетливо услышал, было:

– Рожденный на земле грязных источников и принявший таинство в катакомбах, ты станешь чистым ручьем. Воздвигнешь – уверуешь. Уверуешь – узреешь...

Он пошел, высоко поднимая колени, по проулку, по одуванчикам и бабочкам-капустницам, быстро удаляясь, превратился в черточку в облаках и исчез в синеве летнего неба. Я нашел старую рукавицу, сунул туда орден и закопал в огороде. Пришли бабушка вместе с мамой, та с работы как-то отпросилась, потом пришел отец. Он сразу начал разбавлять спирт, колдовское ремесло. Иван Саныч ушел в дом и начал разговаривать сам с собой. Бабушка сказала, что это с ним часто бывает – фронтовые контузии, а я знал, что он умрет сегодня.

В наш проулок никогда не заезжали машины, а тут пролезли сразу две. Первая была бежевая «Победа», а следом черный «воронок» с красной полосой. К калитке все равно не протиснулись, пришлось приедем в начищенных сапогах и штиблетах по нашей грязи и накиданным доскам топтать еще метров десять. Утро было какое-то нетеплое. Где-то полчаса, как мама проводила отца на работу, и мы с ней сидели на перевернутых ведрах и перебирали оставшуюся семенную картошку, обламывая ростки. Джек их узнал сразу. Их было пятеро (группа), трое в штатском и двое в погонах и сапогах, в том числе и участковый Петюнчик, который отца моего ненавидел. И про которого мы, шпана, все знали. Подглядывали под окнами, когда тот прокрадывался к той красноротой жирной киоскерше. Собака сходила с ума, в ярости она плевалась пеной изо рта и неимоверными усилиями миллиметрами подтягивала будку ближе к калитке. Все произошло быстро. Штатский закричал визгливым голосом:

– Устранить препятствие к исполнению важного государственного задания немедленно!

Через секунду второй в погонах и сапогах выстрелил Джеку в голову. Тот сразу рухнул и затих. Одна мысль мне горло передавила, ведь если бы отец не ушел на работу, он тоже был бы препятствием. Они зашли в дворик, в котором вчера взрослые так по-доброму пели: «Из-за вас, моя черешня, ссорюсь я с приятелем...». Бабушка уже тоже была во дворе, ей в лицо писклявый в штатском сунул фотографию. Она онемела. Дяди пошли в наш дом, мы остались во дворе. Погоны Петюнчика запечатали нам проход. Джек был теплый и совсем мирный. Я заплакал. Из-под Петюнчика протиснулась сестра, растрепанная и перепуганная, и тоже заплакала. Выбежал штатский, побежал в машину, назад тоже бегом. Потом на моем синем одеяле вынесли Иван Саньча, он был в майке и трусах, какой-то совсем крохотный, и с наколкой на плече «РККА». Его ловко затолкали в «воронок» и долго буксовали, выезжая задом. А собаки соседские почему-то не лаяли.

... Джека мы с пацанами хоронили в овраге, под бузиной. Я хотел его поцеловать, как крестного когда-то, но собачья морда была вся красная, и я не смог. Славка принес ножницы и карандаш, из старой консервной банки вырезали что-то вроде звезды, и на куске фанеры я написал «Погибшему на боевом посту» и приписал внизу «20 июля 1967 года». Пошел дождь, не летний, холодный и мелкий...

Слава героям!

1619 год – 400 лет – 2019 год

В 1804 году посольство России в Японии, предпринятое на самом высоком уровне, потерпело неудачу. Япония в категорической форме отказалась вступать в какие-либо отношения с Россией, в том числе, и в торговые. В определенной мере отказ Японии был продиктован боязнью распространения в стране «еретической» христианской религии. Понимая крайнюю заинтересованность России в открытии водного пути по реке Амур к берегу моря, японцы сами начали активное исследование и внедрение в эти территории. В 1808 году туда были отправлены путешественники – разведчики Мацуда Дэнюуроо и Маmia Рензоо. Дэнюуроо направился вдоль западного берега Сахалина, а Маmia Рензоо вдоль побережья в восточном направлении. Дэнюуроо удалось добраться до мыса Лах. Он видел на противоположном берегу пролива материк. Маmia Рензоо перевалил сахалинский хребет, и они еще раз, вдвоем, прошли до мыса Лах. То, что Маmia Рензоо прошел еще раз путем предшественника, имело свои причины. К этому его побудил рассказ Дэнюуроо об услышанном от гиляков и сделанные им зарисовки. Добравшегося до мыса Лах и его людей местные аборигены-гиляки, без сомнения, приняли за маньчжуров, которые им досаждали в землях Амурского лимана, периодически, крупными отрядами, нападая на их стойбища. В исторических миграциях гиляков с Сахалина на Амур эти причины тоже имели свое место. Зимой маньчжуров не было на Амуре, а летом на Сахалине.

Встретили японцев с большой опаской, но те не высказывали враждебных намерений, и гиляки – люди добрые, честные и с достоинством, прятали своих идолов от чужих глаз, но были болтливими. Они рассказали о золотом боге «бородатых людей», которого их далекие предки привезли с Амура. Теперь духи повелевали хранить бога «бородатых людей», пока они за ним не явятся. А хранители сейчас не их племя, а то, что сейчас на севере, где вождем стал правнук большого вождя Паяна, привезшего золотого бога. Не все гиляки видели его, но кто-то видел. С их слов Мацуда и сделал рисунки, которые позже привели в обморочное состояние губернатора Сирапуси. На одном рисунке был ящик – ковчег с непонятным гербом в центре. На втором – христианский Крест во всей своей великолепной геометрии, с якорем на цати. Величины он был с ростом сравнимый.

То, что Мамаи Рензоо прошел еще раз до мыса Лах, ничего не прибавило, кроме того, что из пепелища был поднят бог «людей бородатых». На север идти было поздно, исследователи и разведчики вернулись в Сирапуси на доклад к губернатору, провели там всю зиму и следующим летом получили повеление пройти земли северных дикарей до материкового берега Амура. Задача – доставить в империю или, в крайнем случае, уничтожить, как будто и не было русских христиан на земле гиляков. Мамаи Рензоо пошел по западному побережью до мыса Лах, дальше до Погибей, самого узкого места пролива, Теньги, Чангай и встал на Ланграх, напротив входа Амура в пролив. Лед еще не отошел, а шиповник уже всю цвел.

Собралось нас на привокзальной площадке много, дежурная сегодня добрая, сидит, глядит на нас в окошко, черный телефон охраняет. Вечер не жаркий, но и не холодный. Пацаны кто в чем, девчонки в платьицах и со скакалками. Гитарист Колька настраивает инструмент, разучивает «Есть такой парень», нескладная такая песня, но со смыслом, и девчонкам нравится. Рядом с вокзалом – гараж из серых деревянных досок, в нем стоят коляски с моторами путевых обходчиков. Они их руками ставили на рельсы, и чух-чух – двигались по железке.

В этих гаражах все и началось. Еще только вечерело, когда раздался сильный металлический лязг со стороны гаража. Ломом вырвали пробой с гаражных ворот. Туда вламывались трое дядек, почему-то в майках и заправленных в сапоги штанах. Телефон-то, оказывается, не работал. Добрая дежурная бегала вдоль вокзальчика и кричала, истошно кричала. Мы тоже, всем своим детским коллективом показывали, что видим злоумышленников. Они наплевали. Крошечный вокзальчик и гараж разделяла куча угля с увесистыми кусками, и они пошли в ход. Трое вытаскивали технику и мостили ее на рельсы, а мы их бомбардировали. Попали удачно раз-два и разозлили, кинулись они на нас. Мы врассыпную. Меня поймали за рубаху, она сразу порвалась. Загнали в гараж, там горела тусклая лампочка, я огрызнулся и обзывал их соответственно. Меня привязали веревкой к железному верстаку. Дядьки были недобрые. Особенно тот, что с синей наколкой на лице:

– Сейчас выебем тебя, сопляк, – процедил он сквозь металлические с налетом зубы, источая отвратительный запах изо рта.

Веревка-то была случайная или гнилая, и даже от моих слабых усилий просто развалилась. Я метнулся в угол, знал, зачем. Там стояла старая черная шпала, а в нее, на уровне моих глаз, был воткнут здоровенный сапожный нож. У моего отца был такой, только маленький, из старого полотна по металлу, заточенный наискось, как бритва. Этот же был с полметра высотой, обмотанный черной изолентой. Нож-косяк. Двое кинулись за мной, и любитель мальчиков первый получил в живот, согнулся, дернулся и сам себя распорол. Мгновенно все стало липким. Второй, при попытке схватить меня за горло, был распорот от плеча до кисти, он завыл дико. Третий, очумевший, пытался проскочить к выходу и получил удар в спину. Дежурная все же где-то позвонила, и двух милиционеров я встретил в угольной куче, весь в крови, с оружием дикарей в руках. Вокруг было тихо-тихо. Лица моих друзей, свет одинокого фонаря на крылечке вокзальчика и черный «бобик» с красной полосой...

Потом было много чего: тюрьма, допросы, очные ставки, призывы признаться и покаяться. Выводы следователя: пришел с ножом, напал и покалечил граждан, УК РСФСР, ст. 108, ч. 2 «Тяжелые телесные повреждения», до 12 лет заключения. Чуть меньше, чем я уже прожил на земле. Был кабинет судьи, мама плачет, я плачу, и судья плачет. У судьи очень серьезная фамилия. Сама из Москвы, школа с золотой медалью, красный диплом юридического факультета МГУ им. Ломоносова, и вот, она народный судья у нас, в жопе. Наверное, дочка Арбата.

«Безвинно покалеченные» мной люди оказались совсем непростыми. Это обитатели нашего первого лагпункта – лагеря с давними традициями. У нас такие были места, от первого до пятого лагпункта и районы типа Лагури, и даже район с названием «Дамир». Они-то оказались активными общественниками и участниками лагерной редколлегии, хотя и сидевшие не

первый раз за садизм и трупы. Мама плакала от горя, а судья от какого-то неженского бессилия. Она-то во всем разобралась, только была беспомощна что-либо изменить. Но ревела она по-бабьи, глядя на мою тщедушную фигуру. Очень уже давно системы лагерей стали основой и фундаментом успехов, а на этой-то земле они были справа от райкома партии. А может быть, райком был от них слева? У нас все это жило и цвело красным-красным, а на красном – серп и молот. Те дяди, оказывается, выполняли особое задание руководства. В случае признания судьей их вины могла пострадать репутация того самого руководства. Они ночью должны были вывезти в порт что-то и как-то приобретенное тем же начальством. А на их пути встал сопливый, кривоногий непионер и некомсомолец. Просто убогая тень их великой и прославленной в боях страны.

Не читайте в детстве умных книг, будет шанс вырасти здоровыми. Спасибо тебе, судья, которая вместе с приговором готовила прошение о помиловании несовершеннолетнего. Она сказала, что надо ехать в колонию, помиловать можно только оттуда, и она добьется этого. Есть к кому обратиться в Москве. Она исполнила все, что пообещала.

Низкий поклон вам, дети Арбата.

В сентябре я пошел не в школу, а поехал в Хакасию, впервые в жизни покинув землю гилияцкую.

Приказ НКВД СССР от 21.06.1943 года «Об организации детской трудовой колонии УНКВД в Хакасской автономной области». Там уже холодно в октябре, и вот я опять марширую у входа в столовку. Только теперь в телогрейке с нашивкой на груди и в кирзачах на четыре размера больше. Хорошая музыка – марш, хороший строевой шаг, а перед переодеванием была дезинфекция. Кучка голых замерзших пацанов, непонятного пола грузное и коротконогое существо, вроде как женщина, обрызгивает нас какой-то гадостью, стараясь попасть в глаза и на писк. Рядом кенгуру со здоровенной красной повязкой непрерывно орет, не вынимая изо рта папиросу, вроде, эта женщина – воспитатель. Обед с этапа просто царский, потом опять маршируем в свете прожекторов. Снег валит, сопли прилипают к рукам, и слезы, наверное.

В школу записали в седьмой класс почему-то, ходить не хотел, за это не кормили, стращали, иногда били покаявшиеся активисты. Под ноябрьские пришла бумага, я ее не увидел, но знаю, что она всю жизнь за мной ходила. Бумага была из приемной Подгорного и подписана секретарем верховного совета СССР Георгадзе. Утром пришло письмо, а вечером меня уже выкинули за пределы лагеря, кажется, с сожалением. Спешили. К большому красному празднику меня помиловали благодетели, и сроки надо было строго выдержать. Сунули в жесткий вагон без воды и хлеба, наверное, думали, где встретят, там и покормят. Те же думали: где провожали, там накормили. «Ленин, а хлеба не дали». Я был точно уверен, что нет моей вины в том, что у подлинника Леонардо, сидя на золотом унитазах, Георгадзе застрелился. Не во мне причина, но должна же она быть?

Добрался до устья Амура, возвращался блудный сын в землю гилияцкую. Туман и дождь, ветер и град, а в «Ил-14» окна квадратные. Посадили на первое сиденье, как кошку. Спецпассажир, телогрейка с биркой, из ворота тонюсенькая шея с маленькой лысой головкой и четырехдневный, голодный блеск в глазах, – человек. Сажу уже долго-долго, часов-то нет. Один, никого не садят. Полетим или нет? Полетим: от барака с гордой надписью «Аэропорт» ведут человек 15. Скрипят по лестнице, смеются, в основном, все веселые. Увидев меня, делают вид, что не увидели. Самолет натужно ревет, вибрирует и, опираясь на снег и туман, взлетает.

Сзади хохочет офицер, целуется с молодой девушкой, начали доставать из сумок, шелестеть, разворачивать и открывать. Тогда можно было употреблять в полете и приносить открывашки для консервов. Я понимал все запахи, от подсохшего уже хлеба, курицы, консервов с котлетами из частичковой рыбы до плавленого сыра. Потом в проход упало яблоко и покатилося

к кабине летчиков. Там оно и осталось весь полет, тихо стучась в узкую дверцу. Я старался прижаться к окну и начал отключаться. То полосы на стекле мне казались слезами мамы, то вдруг в тумане мерещился кто-то, шагающий по облакам, высоко задирая колени. Сзади тосты за честь и достоинство становились все громче и громче, но время шло. Я возвращался туда, где меня любили и ждали. Самолет сел в том же тумане и дожде на грунтовую полосу. Летчик открыл двери, поднял яблоко, подул на него и потянул мне со словами: «Твое, парняга?». Я сказал «нет», он положил его рядом на сиденье, улыбнулся и сказал: «Теперь твое», и принялся открывать входную дверь самолета. Я яблоко не взял. Мама поймала меня прям с лестницы, я весь горел, оказывается, воспаление легких и истощение. Мама плакала, я нет, как плакать, праздник же – седьмое ноября, красный день календаря.

Болел почти месяц, отец пил, в школу не брали. Официально отказывали по причине, что не догону программу. Боялись меня, что догону, еще и перегону. Неофициально директор запросила обвинительное заключение и обсудила его на педсовете. В свою школу не брали, в другой и подавно не нужны кровавые уголовники. И мама пошла к ней, и она помогла через какой-то комитет по образованию. И пошли мы с мамой к директору школы на собеседование, это была суббота. Там нам рассказали об условиях, с которыми меня возьмут в восьмой класс. Из них главным было то, что я сам уйду после восьмого класса куда угодно. Мы обещали. Потом опять ее слушали, опять обещали. И так час.

В понедельник я пришел в свой класс. Ребятам родители запретили со мной дружить, но они их плохо слушались. К девчонкам я и не приближался. А что Галочка? Я ей только один раз, в седьмом классе, портфель до дома в Дамир донес. Да она уже и в комсомол вступила, как и многие. Учителя тоже не хотели со мной общаться. С большими для себя трудностями и сердцебиением они ставили мне за отличный ответ отличную оценку. Только физик сказал мне честно, что вся жизнь – это физика. Мне кажется, что не сам он это придумал, это что-то из четырнадцати книг «Метафизики» Аристотеля. А я думаю, что жизнь – это не физика и не математика, а первая и главная сегодняшняя философия, которая с рождения со мной. И она красная. Но я не возразил, он был свободомыслителем, и показывая вверх, любил говорить: «Там что-то есть такое». Комсомольцы немедленно пытались затеять дискуссию, но он был смел, но разумен. В дискуссии о Боге он не вступал.

На истории я просто хмыкнул, когда наша историческая барышня требовала признать Михаила Кутузова освободителем Испании от Наполеона I. Только хмыкнул, а директриса, поймав меня в коридоре, шесть раз повторила: «Ну мы же договорились...». Скоро Новый год, не хочу ни мандаринов, ни конфет на елке. Хочу вечер в школе и под медленную музыку пригласить Галочку на танец. И пришел этот вечер, и музыка про медведей, и Галочка пришла нарядная, только пришла со старшим братом, похожим на того физика, смелого, но разумного. Меня, конечно, к ней не подпустили, и я ушел с того вечера, по метели и сугробам, читать «Стоика». Может, это и была любовь, совсем без страсти и признаний, наверное, у подранков такая любовь?

Пришел 1970 год, 25 февраля в Уголовном кодексе появилась статья 209.1 о тунеядстве. Главное условие, предполагающее, что лица без определенного рода занятий склонны к преступной деятельности из-за большого количества свободного времени. Ударники взялись за людей. 5 апреля – кремация Гитлера. 22 апреля – 100 лет со дня рождения Ленина. 25 июня на могиле Сталина у Кремлевской стены установлен бюст. «Венера-7» совершила посадку на поверхность планеты. Значительную часть страны охватила эпидемия холеры. Мы не вошли в эту значительную часть, море у нас не Черное, а серое, всегда под стать погоде, а у серого, хоть и много оттенков, теплых совсем нет.

Пошел поступать в техникум, приняли. Записался в секцию бокса в Дом пионеров, в сомнениях, но приняли. Отец стал пить еще больше, с мамой ругается, слышал даже, что его и

на парткоме разбирали. Для него мера чрезвычайная, но, думаю, его это вряд ли урезонит. За гальянами уже не ходим, на вокзал тоже. Пытаюсь больше времени бывать не дома, а гулять в городе с пацанами из техникума. Читать стал меньше. То, чему меня учили в техникуме, было совсем не мое: валы и шестеренки крутились и проплывали вокруг меня призраками, совсем за память и голову не цепляясь. Не мое это, зато дорожка к профессии, к работе, к авансу перед получкой. Я хорошо знал и помнил значение и содержание этих слов.

Утром мама попросила после школы зайти к бабушке, самочувствие ее не очень хорошее, надо проведать. А я знал, что это бабушка меня зовет, и знал, зачем. За день до этого мама у нее была и все папиросные заготовки изъела и выкинула, а соседям запретила покупать и приносить. Бабушка тогда уже была сильно хвора и мне одному доверяла в такой сложной ситуации. Я носил ей «Север» или «Звезду» с мотоциклом.

Курила она очень много и давно, с зимы 1941 года, когда на моего дедушку, Виктора, пришла похоронка. Он принял мученическую смерть в ноябре 1941 года, в атаке под Смоленском. В атаке по минному полю ему раздробило обе ноги. Санитары вытащили его, а вечером, в госпитале, ноги ампутировали. Утром фашисты заняли ту станцию, и деда добились безногого. Нам, потомкам, даже холмика не осталось на поверхности земли.

Пришел к бабушке сразу с гостинцем, соседи, похоже, все же вошли в ее положение. Я положил на стол две пачки «Солнечного севера», бабушка улыбается, а глаза слезятся. Я подошел к шкафчику, сдвинул открытку «С Первым Мая!». Все было на месте. Бабушка смотрит на меня внимательно, садится на стул и вдруг говорит:

– Ты уже, внучок, большой вырос. Хочу тебе одну притчу рассказать...

Она знала такие слова. Я не знал, кто мои предки, откуда и как оказались на этой земле. Редко, когда она брала семиструнную гитару и пела романсы, я понимал, что мне многого не рассказали, чтобы сохранить жизнь и здоровье. Уж очень она в такие моменты не была похожа на маму дочки-кочегара. Как-то, по-старчески забывшись, обронила женские имя и фамилию и вспомнила о днях общения с этой персоной. Много лет спустя я понял, что она говорила тогда о гении в хрупком женском теле, путь земной закончившей в 1941 году в Елабуге. Бабушка начала рассказ негромкой, но очень грамотной речью:

– Ровное-ровное золотое поле, пшеницы в колосе тяжелом, чуть волнуется ветром жарким. В поле узкая дорога к дальней деревушке. По дороге идет старая, сгорбленная бабушка с узелком на локотке. Идет медленно, похоже, она давно уже в пути. Подходит шаркающим шагом к околице деревни. Тут мужик, клевер косит. «Скажи, сынок, – обращается к нему старушка, – эта дорога ведет к Храму?». «Нет, матушка, – бодро мужик отвечает. – Эта дорога не ведет к Храму. А вот та, – тычет он пальцем левее, – ведет к Храму». Пауза. Старушка подошла к нему на шаг ближе и спросила: «А зачем же тогда эта дорога нужна?».

Теперь пришла моя очередь задавать вопросы. Я спросил у бабушки:

– А есть ли эти золотые поля, этот хлеб и эта воля?

– Есть, внучек, – кивнула в ответ бабушка. – И это наша с тобой Родина.

Красиво все и волнующе, только моя Родина здесь, среди болот и стлаников, иван-чая и сугробов. Здесь зарыта моя пуповина. Клятву верности я, еще малым, принес этой земле. Если мне будет суждено найти дорогу к Храму, то она начнется отсюда.

А так все по кочкам и по кочкам. Техникум, Дом пионеров, в субботу танцы в горсаде. Если с кем-нибудь там повздорим, то на мне обязательно порвут одежду. Лучше бы синяки на лице носить, чем мамины слезы и упреки. Нет же, отрывали рукава и карманы. А вот и Галочка пришла на танцы, с подругами и без брата. Я в кустах хлебнул кислого «Ризлинга» и решил наконец-то высказаться, да и с поцелуями. Хорошо, одежду не порвала, только ногтями лицо расцарапала. Теперь-то точно первая любовь закончилась.

В Доме пионеров у меня получалось, оказывается, был способен к такого рода искусству, как-то и сам за год окреп. В теле жизнь забурлила и стала ароматнее. А осенью на картошку, далеко, в глубь земли гиляцкой, где посуше, помогли селу. В глубине острова, дальше от моря, в отсутствие туманов, где и была эта самая земля, картошка росла красная и вкусная. Комсомольский актив особо не присутствовал на таких мероприятиях, и мы за неделю переиграли во все свои юношеские игры. Техникум хороший был, какой-то некомсомольский. Никто не переживал о моей плохой репутации, значки комсомольские носить не заставляли, и собрания, если и были, то так, отписаться. Директор был старый, седой, с палочкой ходил. Похоже, хотел видеть в нас больше хороших рабочих, чем активных строителей коммунизма. Последний, кстати, должен был уже через десять лет состояться. Директор, похоже, когда-то тоже был с большой земли, а сюда был прикомандирован насильственно. На картошку мы приехали точно в количестве по распоряжку райкома партии. Деньги не платили, а стипендий после колхоза многих лишали.

Возвращались уже по заморозкам, возмужавшие, голодные до кино и танцев в ДК. В этом году смотрели «Бег», «Колонна» и «Белое солнце пустыни», «Переступи порог». Мужали мальчишки. С отцом общаемся редко, так как редко бывает трезвый, а когда трезвый все пытается шутить и балагурить. Видно, понимает свое состояние и пристрастие. Жалко его, добрый он и уже, похоже, беспомощный. Опять привел собаку, совсем мелкую и безродную, по кличке Тютюка. Когда папа спит пьяный на топчане, Тютюка от него ни на шаг не отходит. В дом не приходят, бояться нас начали с некоторых пор соседи. От греха подальше, называется. Детские друзья разбежались по «ремеслухам», других увезли родители. Пустеет наш проулок. Кое-кто из моих новых дружков жил в квартирах в пятиэтажках, в которых были унитаз и ванна, но, в основном, все были барачные.

В 16 лет полно соблазнов, и по традиции отцов, алкоголь. Начали пробовать на танцах для храбрости, в общаге техникума – для веселья, в столовке разливали под столом для общения. Это была моя первая прививка, сделанная правильно. Я научился договариваться с водкой и всегда, в будущем, когда были причины и возможности, мне ее хотелось. А когда были причины, но не было возможностей, не хотелось. Кому-то прививка не пошла, многие позже заболеют. Но пока было весело, понятно и просто.

Одни только «Джентльмены удачи» чего стоят и журнал «Фитиль». У ДК на здоровенном постаменте стоял вождь. Его левая рука большим пальцем привычно зацепилась за жилетку, а правая уверенно показывала всем, где заходит солнце. Непонятно только, надо нам туда идти или категорически нет. Летом вокруг вождя были клумбы, а зимой сугробы. Сейчас зима, новогодний вечер в ДК, буфет, конфеты и танцевальный полумрак. Много нарядных девочек и мы, кучкой, наглаженные и отважные. Музыка и песни, которые для меня остались лучшими навсегда. Завтра пацаны будут продолжать, а мне тащиться с сумкой на новогоднее мероприятие «Надежды ринга», но мне нравится. Это как журнал читать под названием «Юность», все на нас смотрели с надеждой – и комсомол, и общественность. Все хотели, чтобы мы стали хорошими членами коллектива, хоть какого-нибудь. Достойными членами большинства, которые всегда вправе судить и миловать, мучить и награждать.

Мюнхен. 1972 год. Борис Кузнецов (мой вес 57 килограмм) становится олимпийским чемпионом. Праздник в нашем весе, хотя я уже продвигался в 63,500. Рос парнишка.

Те два года прошли как-то определенно и особо бескровно, мама и папа жили совсем уже плохо, бабушка курила и болела. Я начал подрабатывать, но получалось не очень. Не то чтобы ленился, просто контроль под такой возраст был неустанный, подглядывали и подслушивали всегда и везде. Специальности учился лишь бы-лишь бы, но успевал и даже получал стипен-

дию. На демонстрации в ноябре не захотел нести красный флаг, а на это как-то и внимания не обратили. Хороший был техникум, знаю точно, у других было строже.

В тот ноябрь, в местном клубе отлупил хулигана за приставания к барышне и получил эмоции на долгую память. Пошел ее провожать по стылой грязи, в полной темноте. Где-то, у ее дома припарковались в сломанной и зассаной будке-остановке. И я, сегодняшней герой, тогда первый раз и поцеловался. Лица-то ее, я толком и не разглядел, но ощущения, когда под резинку трусов руку засунул, остались эталоном. Там было мягко и очень горячо. Потом я бежал до дома по шпалам узкоколейки и нюхал замерзшую в смерть руку. Такого больше не было, было или холодно и скользко, или шершавая шагреня. Может, у юности рецепторы ощущения и запахов другие? Но они были самые лучше. Приближалось совершеннолетие.

1619 год – 400 лет – 2019 год

В тот год, 1826, когда Волконский, Трубецкой и Оболенский были загнаны в свинцово-серебряные шахты Благоунского рудника, Гурий Васильев бежал с Нерчинской каторги. Прошел по Шилке, вышел на Амур и добрался до устья. В 1827 году, в осень, достиг земли гиляков. Весной на гиляцкой лодке вышел в Охотское море и добрался до Удинского острога. На его показаниях, генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский основал свои виды на приобретение реки Амур. На проект и предоставление ему полномочий, ответа из Петербурга не последовало.

Беглый Гурий Васильев доложил также, что гиляки ему очень убедительно рассказывали, что русские давным-давно были в устьях Амура и на острове. У них есть доказательство – золотой бог русских, которого они прячут, так как за ним манчжуры охотятся. Но бога Васильев не узрел, а будучи старовером, да еще и разбойником, был очень равнодушен к тому предмету. Где он – Гурий так и не дознался, но на зимовке в одном из поселений, ему показали холмик, и что вроде там лежит гиляк с коробом от того бога. Беглый знал, что гиляки не хоронят, а как язычники, сжигают покойников, и не поверил. Всю зиму он размышлял, а весной тайно раскопал могилу. В земле лежал истлевший гиляк, прикрытый странного вида, очень ровно прирезанной доской, высотой около двух аршинов и шириной в четыре дюйма. Гурий, житель леса, ни с чем не мог сравнить то, что увидел перед собой, но и ценного ничего не узрел. Бросил, где нашел, злобясь на гиляков и предстоящую дальнюю дорогу.

Петр, дед 1893 года рождения, стрелочник на железной дороге, был арестован 1 октября 1937 года и расстрелян по приговору «тройки» НКВД 19 декабря 1937 года. Захоронен в городе Ворошилов (ныне Уссурийск). Отец, Николай, 1922 года рождения, ушел на фронт в 1941 году, в октябре 1943 года пришла похоронка. Сам Петя родился под ноябрьские 1944 года, но был записан как сын Николая, с его фамилией. Петя всю свою семнадцатилетнюю жизнь прожил с теткой, сестрой матери. Мать сама давно убежала из этих мест, с гусаром, наверное. Тетка была одинокая и всегда злая, но Петю по-своему любила, хоть и не воспитывала. Воспитывала его общественность, Петя рос мальчиком активным, любознательным и правильным. Все у него было правильно: и оценки в школе, и поведение всегда и везде. Даже в футбол бегал играть в пионерском галстуке. В училище железнодорожников поступал с характеристикой дисциплинированного и активного комсомольца. Правда, в комсомол не очень звали, но деда реабилитировали постановлением Президиума Приморского краевого суда в июле 1957 года, и все наладилось. Это были первые шаги в бессмертие тогда еще юного тимуровца. Они себя обессмертят и прославят предательством своих престарелых красных наставников и ворвутся в следующий век новым сословием.

Пока все было тихо. Петя тянул руку на занятиях, тянул руку на собраниях, осуждал прогульщиков, и в строю был первым запевалой. В семнадцать лет его избрали секретарем комитета комсомола училища. Триумф и почет тем, кто следует октябрьской программе от 1961 года «Построение коммунизма за 20 лет». Петю привлекают в комиссию райисполкома по изучению лиц, посещающих церковь. А также – в сектор внедрения в жизнь советских людей новых праздников. Рождество заменить проводами зимы, Пасху – праздником «Музыкальная весна», Троицу – днем русской березки. Теперь он уже Петр Николаевич, земля его – это большое село, крупный железнодорожный узел. Все, что было здесь, так или иначе связано с железной дорогой, как и большой пионерский лагерь между двумя сопками в трех километрах от села. По поручению райкома комсомола Петя был направлен туда старшим пионервожатым в первый отряд, к самым старшим. Вот такое доверие на три недели в июне. Кто бы знал, что те три недели станут даже не ступенькой, а гигантским прыжком в карьере комсомольца Пети?

К линейкам, горнам и рапортам у него всегда были уважение и сноровка. Все было чистенько, аккуратно и всегда по распорядку дня. Директриса, старенькая и глуховатая, Петей была очень довольна и всем вожатым его ставила в пример. Отряд у него состоял из двадцати девочек и двадцати мальчиков и носил имя Глеба Жеглова. Гимн пионерии, к которому приложили свои таланты Н. Крупская и Д. Фурманов, был их отрядной песней. «Взвейтесь кострами синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих!». Пионерский костер – это не просто огонь, это призыв, это клятва верности и участия во всех делах и начинаниях. Смена подходила к концу, и все готовились к этому действу. Все хотели на речке, а это было километрах в двух от лагеря. Директриса разрешила, а это волнительные прижимания и слезы расставания. За день готовились. У всех кеды, ведро картошки, соль, десять бутылок лимонада, топорик и лопатка. Один горнист, два барабанщика, сорок человек в четырех отделениях с пионервожатыми, и Петр Николаевич – в часах, с перочинным ножом и спичками. У них будет ранний ужин и поздний отбой – на зависть остальным отрядам. Они должны пройти с отрядной песней полтора километра в сопку и километр под сопку. Дорога песчаная и сухая. Завхоз ходил в разведку и все нарисовал, все рассказал, кроме главного. То поняли уже на месте.

В детстве Петя ни с кем не дружил, поэтому детство как-то быстро прошло. А не дружил, потому что дразнили некрасиво. Но прочитав «Как закалялась сталь», уверился, что вырастет и отомстит. Да и тетка «выблядком» в сердцах называла, но тетка – дело другое. Тетку он боялся, иногда она его поколачивала за нерасторопность в делах домашних. Наплевать ей было на его пионерский и комсомольский статус, ей бы тоже можно было припомнить. Тетка не пила, не курила, но иногда исчезала на день-два, а возвращалась, всегда сутулясь, со следами побоев на лице и почти всегда дохлую курицу в перьях приносила, говорила по работе, тайное что-то. А тайн Петя не любил, все тайное напоминало ему тайну собственного рождения. Часто втихую он подсчитывал свой возраст ко времени прихода коммунизма и огорчался, что будет уже такой старый. В коммунизме он всегда представлял себя по-разному, то на фоне багрового полотнища, почему-то с усами, то – танцующего в сапогах и красной рубахе танец гопак. Однажды ему привиделось, что Ленин вышел из Мавзолея и закрыл за собой дверь на здоровенный, похожий на Крест, ключ. Но это было во сне, а сон же не тетка, что его бояться.

В Новочеркасске перебили врагов народа. Бюро местного райкома партии готовилось заслушать секретаря по материалам третьей Программы партии.

Вечер был томный, а утро всех взволновало. Солнца не было, тучи висели низко-низко, были какими-то блестящими и клубились. Дождь вот-вот. Мероприятие, столь желанное, срывалось. Прошло полдня, надежда крепла, вроде, потеплело после обеда, директриса дала отмашку, все воспряли. Теперь ранний ужин – и в дорогу. Собрался отряд, все проверили два раза и двинулись с барабанами без запевки, в гору трудно с песней будет. У всех лица

серьезные, старший отряд в лагере, остальные машут вдоль забора, провожают завистливо. Все в кедах и в ногу, привет Мальчишу-Кибальчишу. Прошагали километр-полтора, вышли на видовую площадку, на восток долина тянулась до горизонта и где-то там, Петя знал, сливалась с водной гладью океана. На фоне всего этого простора стоял Храм, серого болезненного цвета, с замком амбарным на двери. Большой, трехголовый. С Крестами. Барабан как-то сбился, и шаг замедлился. Петя зычно крикнул:

– Запевай! – и полилось про эру светлых годов и клич пионеров «Всегда будь готов!».

Осталось спуститься вниз, к реке, вон она вьется, вдоль сопки. Хорошо расположились, разложились. Девочки стали мыть картошку, а мальчики пошли за дровами. Тут проблема и появилась: мальчики на всех принесли три ветки и охапку листьев. Тема костра умирала. Вода в реке значительно поднялась, и там, где можно было набрать дров, стояла вода. Петр Николаевич зажег листья, потом мелкие прутики, все ждали от него решений. Он, как-то по-пожарному крикнув: «Первое отделение за мной!», ухватил топор и двинулся назад по дороге. Россыпью, как в атаку на врага, рванули красные галстуки.

Вот и желанная завалинка из старых, но сухих, добротных досок. Стали ломать. А тут бодрый пионер, сгибаясь в три погибели, притащил откуда-то старый и ржавый лом. Дело пошло. Доски отрывались, но не ломались и не трескались, использовать их в качестве дров было сомнительно. Дверь, обитая тонкой рейкой, подходила больше, и Петя, сунув лом за пробой, сломал ее. Дверь вывалилась, а внутри уже было веселей. Пионеры мигом разобрали иконостас и алтарь, возвращались с добычей. Все налаживалось. Только тучи на небе становились все круглее и блестяще. Те, кто там с Петей не побывал, пошли сами, вторым нашествием. Натаскали приличную кучу для смеха, танцев, песен и картошки печеной. Костер удался – в три метра, трескучий, с зелено-красным пламенем.

Смеркалось. Огонь и танцующие отражались в блестящих шарах низких туч. А наблюдавшим с сопки местным бабам и пацанам меньше было видно костер, а больше его отражение, и мерещились им свиные рыла, рога и хвосты. Картошка не удалась, сгорела и воняла краской, да еще и соль потеряли. Возвращались не очень стройно как-то, и палочка барабанная сгорела. Добрались посуху, но почти сразу завыл ветер, и полило очень сильно. Но мы уже за чаем и всегда готовы. Петя позвонил своему политическому руководству, доложил по костру и остальным моментам. Секретарь ответил: «Обсудим. Все по планам».

Утром от ливня и следа не осталось. Вышло солнышко и опять всех согрело одинаково. Завтракали. Разъезжались детки по мамам и папам, дедушкам и бабушкам. Отдых удался, все было мило и по-домашнему просто.

В два часа бюро райкома партии. Секретарь, малорослый, лысый и очень энергичный, цитировал материалы съезда и пленума ЦК и ключевые абзацы из речи первого секретаря ЦК КПСС. Даже дедушку вспомнил, про его «опиум для народа». Все волнуются, все за народ беспокоятся. Вынесли постановление, бюро райкома дружно проголосовало. Секретарь обвел глазами восемь членов бюро и спросил, заведомо безнадежно:

– Может, кто, что имеет добавить к обсуждаемому вопросу?

И такой, как ни странно, нашелся.

– Ну, слушаем тебя, комсомол, – сказал секретарь и опустил в приподнятое под его фигуру кресло. Когда вожак молодежи закончил, что имел сказать, воцарилась пауза. Члены бюро мимически, без слов, исполняли свое отношение к услышанному. Все были люди ответственные, в том числе и прокурор, но надо было узнать направление мысли партии, в лице секретаря райкома, и от того мнения уже оттолкнуться. Секретарь, не вставая, разразился речью:

– Да, конечно, комсомол должен двигаться в русле политики партии, но молодежь она и есть молодежь, на практике иногда и опережает. Надо бы поощрить инициатора, наградить по вашей линии, комсомольской. Я думаю, бюро меня поддерживает?

Бюро дружно закивало.

– Приготовьте мне письмо на подпись, партия поддерживает вашу инициативу с награждением героя. Да еще все это у нас под носом, это там, где всегда жалуются на недостаток помещений под конюшни и картошку. Я сегодня там буду сам и найду им помещение.

Товарищи расходились, секретарь путался в мыслях, как бы и самому отметить в продвижении партийных решений, обсуждаемых сегодня. Мысли были горячие, фронтовые. К восемнадцати часам все партийные активисты и другие активисты поселения, бродили вокруг оскверненного Храма, скрипя ботинками и напрягаясь мысленно к приезду секретаря райкома. Он приехал, опять же бодрый и энергичный. У «газика» мотор не глушили. Как мог, широко прошагал до искалеченной двери, заглянул внутрь, хмыкнул. Увидев белое на пороге, громко произнес:

– Соль насыпали. Наверное, колдуют, – и на всякий случай внутрь не пошел.

Короткая речь в окружении местных, поучительный монолог по теме последних постановлений ЦК и районного бюро, в конце концов, ознаменовался сочными тычками в небо.

– Завтра все это поснимать и помещение использовать рачительно, по-хозяйски. Завтра к концу дня доложить о выполнении, – он запрыгнул в «Газик» и попылил, разгоняя с дороги деревенскую живность.

Местный актив побрел совещаться и готовить грядущее чудо-действие по обезглавливанию башен Храма. Их объединяло то, что все они боялись секретаря: правильного, твердого и скорого на кадровые решения.

Завтра опять день был с утра ярко-солнечный, с голубым небом и белыми облаками. К небу и были обращены взоры собравшихся. Задача была совсем непростая: забраться наверх, накинуть на Крест удавку из троса и вырвать его трактором. Ваню соблазнили двумя отгулами, он иногда в деревне и лазил на столбы электрические, но и тут не забоялся, хотя ему мало что было понятно. Полез Ваня за двумя отгулами, но вот только Креста было три, а отгулов два, и Ваня никак не мог понять, где же тут справедливость. Обвязанный веревкой, на крышу забрался быстро. Левая башня, метров пять до купола, а на куполе Крест, на него надо было забросить веревку и потянуть, закрепить трос и дернуть с земли.

Притащили тяжелую лестницу, понадобился народ, затаскивали и приставляли к башне долго, а она на железной крыше, как конь скакала, и лезть на нее было не очень спокойно. Закинули веревку, затянули трос. Потеряли тракториста: он спал под трактором в тенечке. Крест ухнул и, рухнув на крышу, отскочил и ударился оземь. Теперь долгий перекур. Не дали Ване покурить, послали к правой башне. Долго прилаживались, все аж два раза перекурили. Стащили.

Дальше Ваня лезть отказался – эта башня была значительно выше, а отгулов всего лишь два. Он слез с крыши. Активисты и подвижники увещевали, запугивали, слушать Ваню не хотели. Заставили. Петлю все же накинули, но она разошлась, и Ваню вместе с лестницей на землю сдернули. Крест остался стоять. Ваня живой, но встать не может, потащили его в ближайшую избу. Перерыв. Два Креста уложили на тележку трактора.

Был еще Степан, трубы печные клал, шабашил, только пьяный был все время. Сегодня он здоровый, по пояс голый, но опять же пьяный. Он сразу же согласился за немедленное и натуральное вознаграждение. Знал, как свой труд продавать. Оступился Степан, даже не дойдя до башни, и с крыши – прямо головой в колотый кирпич. Умер сразу, а Ваня только к ночи. Невесть какие фигуры, но все равно ЧП.

Трактор увез два Креста, начальство поехало в район. Дети Степана ревели, а в недалеком доме собрались старики с арсеналом в одно ружье, женщины плакали, и каждый сам по себе молился, неколлективно как-то. А солнышко светило и согревало всех одинаково. Крест преумножал его свет в своих простых линиях, которые были вечной силой, необоримой.

Посланцы в район вернулись поздно, с намыленными шеями. Больше всего досталось партийным, оргвыводы обещали в ближайшее время. Завтра приедут военные, взорвут башню. Секретарь согласовал по всем сегодняшним событиям и всех уверил, что точно колдуют. Тротил – это то, что нужно.

Военные приехали только совсем далеко после обеда, на скрипящем и вонючем ЗИЛе, со своими лестницами. Погода хмурилась. Молоденький лейтенант дело свое разумел, с ящиками что-то мастерил, скручивал. Два солдата размотали провода, обмотав их вокруг башни, слезли, лестницы закинули в кузов. Лейтенант героически щелкнул пальцами, нажал кнопку и все свершилось. Полбашни вместе с Крестом сбросило на землю. Громыкнуло на всю долину, а может, и на морях слышали триумфаторов. Сельскому активу полегчало, разбрелись уже потемну. Остался участковый, сидя верхом на мотоцикле, а в коляске еще кто-то виднелся, в военной фуражке. Участковый уехал, оставив спутника, но быстро вернулся с полной коляской поломанных ящиков и дубовыми дровишками. Он организовывал дежурство. Развели костер, чего-то достали съестного, где-то через час милиционер завел мотоцикл и уехал, в свете костра сидел одинокий сторож. На небе звезд не было, он курил и посвистывал от скуки.

С реки пришла свежесть, которую подтянули, похоже, два пацана, что ходили поставки на ночь расставлять. Подошли на огонек, видно, покурить клянчить. Показали сома, липкого, в тряпке, предложили на костре запечь, они знали массу способов. Сторож отказался, ему другого хотелось.

– А папирос дадите? – спросил тот, что совсем мелкий. – А сколько?

Сторож показал полпачки «Беломора», и один из мальцов ускакал куда-то в темноту. Скоренько вернулся, вытащил из-за пазухи бутылку и пять редисок. Пацаны растворились в темноте предаваться удовольствиям. Самогон был хороший, такой дремучий и хваткий. Не знал сторож, что он с маком. Когда к его костру начали подходить великаны и начали рассказывать анекдоты, он от души смеялся. Потом были лебеди, танцующие под «Прощание славянки», а потом был участковый, грубый и матерный. То, оказывается, утро пришло. Крест пропал, а сторож, кроме великанов, ничего не помнил, даже пустая бутылка пропала. Только шкурки от редиски валялись красные и дохлый сом. Дело было явно уголовно-политическое. Приехал начальник районной милиции, он же – член бюро райкома. Сторожа арестовали и увезли допытывать.

Начальник был в ярости, клялся партбилетом. Страшно было всем, общественники бросились по деревне искать религиозных фанатиков. Участковый даже по деревне двигался с расстегнутой кобурой и красным лицом после общения с начальником.

Первые дни удавалось скрывать эту кражу от партийного руководства, по горячему двигались нахрапом и всем активом. За два дня нашли тринадцать самогонных аппаратов и много комплектующих кастрюль и тазиков, шесть неучтенных свиней, восемнадцать подсвинков, и соседи донесли на сельского активиста, что тот хлебом телку подкармливал. С Крестом безрезультатно. Участковый потерял сон и окончательно разуверился в социалистической сознательности граждан. Нужно было что-то тотальное. Начальник милиции, будучи членом бюро райкома, решил-таки доложить секретарю наедине. Тот выслушал и сделал два основополагающих вывода. Во-первых, смотря лукаво в глаза главе милиции, он задал оглушающий вопрос:

– Вы что, в этом увидели политический момент, религиозный угар? Налицо уголовный мотив: запустите, что на нем было что-то из золота, потому и уперли. И работайте, майор! Второе – примерно наказать сторожа, чтобы другим не было примером. А великанов, что он там видел – это колдуют, я вам уже доводил. И еще вам окажет помощь летучая группа комсомольского актива.

Двинулись по вновь утвержденному плану. Первым делом взялись за сторожа, который так обгадился на посту. Но вопрос решили, отобрали комнату в общежитии, оставили койко-место. Завели уголовное дело на предмет кражи ценного имущества. С истцом было непонятно, но это было преодолимо. Теперь можно было трудиться в понятном всем русле. Тащили судимых, запускали агентуру, стращали скупщиков краденого. Петра Николаевича отрядили в составе летучей группы общаться с пионерами и комсомольцами по факту злодейского поступка.

Пошел Петя дожимать то, что начал, но мысли уже были далеко. В армию осенью, как там? Если как Максим Перепелица, то весело, а как Иван Бровкин, то и сытно. Да и комсомол там был первым в строю, это Петю успокаивало. Крест так и не нашли, милиция остыла, разговоры приутихли.

(Этот текст начинать с новой строки)

Осень. 1962 год. Добрынин и Громыко врут Кеннеди, что на Кубе нет атомного оружия СССР. Оно было, только ядерных авиабомб было 162 единицы. Еще была подводная лодка «Б-59», а на ней были красные атомные торпеды, и на ней же парень по фамилии Архипов.

Петр Николаевич торжествовал, что мы победили. Кастро остался у власти и жить будет долго, а Кеннеди погибнет через год. Архипов посмертно получил премию «Ангелы нашего времени» за стойкость и мужество. А Петру Николаевичу торжественно, на бюро райкома комсомола, вручили знак ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле». Красивый, гладкий и красный-красный. Приближалось совершеннолетие.

1619 – 400 лет – 2019

1846 год. Кронштадт – форпост русского флота на Балтике. Г.И. Невельской получает капитан-лейтенанта. В следующем, 1847 году, получает пакет из Русской Америки, с большим волнением изучает бумаги, которые были от самого поручика Гаврилова, в прошлом году прошедшего к Амурскому лиману. Гаврилов обращается к нему, как к потомственному русскому морскому офицеру. Человеку, которому интересы России важны и понятны, как интересующемуся вопросами дальних окраин Российской державы. Он пишет, что долго жить не надеется, ибо страдает от чахотки. Не излагая причин неудачи, считает, что хоть и получил награду от правительства, сам достиг малого. Гаврилов делится своими предположениями, и главное из них – уверенность, что устье Амура доступно для судоходства и с севера, и с юга. Просит не в угоду сегодняшней политике, а продолжить и доказать то, в чем он уверен во славу державе.

Он пишет, что из разрешенного ему общения с беглыми каторжниками и гиляками узнал, что нет сомнений – русские были на тех берегах еще 200 лет назад. Тому есть свидетельство в виде «золотого бога», которого гиляки прячут, как своего идола, а каторжники мечтают добраться до сего предмета. «Я отправил оказию в Петербург: странного вида доску, выменянную у беглого. Вроде как она была частью ящика, в который был погружен тот бог. Она мне показалась крайне любопытной. Написал от имени русско-американской компании. Как получил от них ответ, сразу вам и отписался. Ответ Петербургского университета за подписью профессора П.А. Плетнева, был таков: возраст доски был указан просто «древняя». И далее по тексту «акация» (дерево шиттим, произрастает исключительно в пустынных местностях Святой земли- авт.).

Далее Гаврилов пишет: «В Москве есть Храм вознесения Словушего, там монахи Гроба Господня. Может, можно получить какие-то объяснения?». Письмо заканчивалось словами: «Наверное, уже и прощаюсь. Верю в свое Отечество и Вашу миссию на благо его. Честь имею, поручик Гаврилов».

В 1847 году Невельской отказывается от должности старшего офицера на фрегате «Паллада», готовившегося в кругосветку. Он напрашивается на маленькое каботажное судно «Байкал», готовое к отплытию в Охотское море, и стал его капитаном. А русский патриот, землепроходец, офицер Гаврилов, в 29 лет упокоился на русском кладбище бывшей Русской земли.

Вечная память!

(ВСО) Военно-строительный отряд. Там я и приземлился, согласно своим сопроводительным бумажкам. «День рождения» стройбата – 13 февраля 1942 года. 90 % контингента – выходцы из Средней Азии и Кавказа, остальные – с неблагоприятными биографиями и плохим здоровьем. Войска с самым большим процентом самоубийств, волчьими законами и наркотиками. По численности они были огромными и достигали полумиллиона человек. Задачи им ставила Родина самые грязные и надрывные, под красными флагами и лозунгами политработников. Если в лагерях были режимы воспитательный, исправительный и карательный, то здесь еще и унижительный. Контингент офицеров был ссыльный из всех родов войск: алкоголики, заболевшие, озлобленные и пытавшиеся бросить службу. Также были прапорщики, рыскающие с утра по части и объектам, что можно украсть и на чем вывезти после обеда. Свободы не лишали, но она была униженной. Везде: в одежде, в еде, в жилье, во сне и наяву. Устав перемешался с понятиями, национальными нравами и традициями, психозами и политической информацией.

Так вот и получилось, что история службы стала историей болезни. А о болезни что расскажешь? Это время забвения. Последние месяцы службы отдаю долг Родине в роли дежурного по КПП. Читаю. Через КПП бегают туда-сюда активисты, готовят личный состав к Ленинскому зачету. Особо часто мелькает худой прапорщик, с папочкой и значком комсомольским. Какой-то лидер вышестоящий, спросил у меня, что я читаю. Я показал, он удивился. Второй день опять бегал между штабом и проходной, косился на меня, читающего. Книжки толстые в стройбате не очень-то были в чести. Прибежал посыльный из штаба, просит меня в кабинет ВЛКСМ. Зашел. Худой прапорщик сидел за столом с плюшевой красной скатертью. Лицо у него было вроде озадаченным, но как бы везде успевающим.

– Ты зачем такие книжки читаешь? – спросил он.

– Поступать буду, – я сказал.

– Куда? – прапорщик сделал лицо то ли озабоченное, то ли возбужденное. И опять вопрос:

– А у тебя есть маленькая фотография?

Я кивнул. Сходил, принес, пока не понимая, к чему все это. Он взял фотографию, намазал клеем и куда-то примостырил. Поставил печать и размашисто расписался. Я сидел с другого конца стола и мало что видел. Потом он еще что-то тыкал. Встав, торжественно и важно изрек: «Вот теперь, солдат, ты – комсомолец!».

Я что-то пытался ответить, но он прервал:

– Не будь дураком, и документы у тебя даже не примут, если не встанешь на комсомольский учет. Бери билет, поступишь, потом захочешь, потеряешь его.

Я думал, что отец на фронте стал коммунистом, а я в армии стал комсомольцем. Билет был жесткий и в кармане торчал колом. Оказалось, прав был тот прапорщик. Но больно, видно, книжки мои понравились прапорщику. Он за меня, к дембелю, как за старого и активного комсомольца, ходатайствовал о вручении знака «Ударник девятой пятилетки». Но это уже было слишком, подарил я ту награду узбеку-хлеборезу на дембельский мундир. Надо было видеть эти благодарные узбекские глаза. Хлеборезу очень даже положено, этот знак давал право претендовать на присвоение звания «Ветеран труда», а труд – почетная обязанность советского гражданина.

Сентябрь – теплый, красивый месяц. Проездные документы. Еду домой к своей маме, бабушка умерла. В дороге везде встречают доброжелательно, с открытыми, доброжелательными улыбками, не все успевают разглядеть бульдозеры на петлицах. С самолета Родина вся желтая, но не холодная, самые ягоды и грибы в лесу, самые жирные гальяны в озере.

Картошка в тот год уродилась, мама постарела, как-то сжалась, отец болел, почти не вставал. Если вставал, то кряхтел и ходил, шаркая ногами, курил безбожно. Домик совсем захирел, врос в землю по окна и загорбатился. Заборы повалились, вокруг все дряхло. Новый сосед появился, играл на баяне. Вечеринку устроили в честь меня – бойца, мама все слезы вытирала, сосед пел ее любимую песню «Стою на полустаночке, в цветастом полушалочке...». Отец молчал, боли его не отпускали, когда пил, легче было, а сейчас уже и пить не мог, рвало. Люблю я их, если, конечно, понимаю, что значит любить. Люблю больше, чем страну и ее вождей.

Меню на столе то же, что и всегда. И вид на проулок тот же самый, грязи, правда, меньше, солнышко постояло. Новостей мама порассказывала: друзья повлюблились, поженились, детей завели. Таких было трое, а севших было пятеро. Петюнчик, бывший участковый, замерз пьяный в сугробе. Какая-то девушка в магазине про меня у мамы выспрашивала. Завтра сниму сапоги да пойду сам новости узнавать. В сенцах мои перчатки боксерские заплесневели, вынесу, просушу. Пригодятся ли? Чай с черничным вареньем. Я дома.

В стране осень, где теплая, где холодная. Пилот Беленко украл МИГ-25. Скончался лидер Китая Мао Дзедун. Председателю КГБ Андропову и министру внутренних дел Щелокову присвоено воинское звание генералов армии. В Китае арестована «Банда четырех» во главе со вдовой Мао Дзедуна. В СССР учреждена медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали». «Королевские войска» прорубали ломами и кирками проходы к океану в горах Забайкалья и Приамурья.

Я два года не знал гражданской одежды. Вот, с утра наряжаюсь. Практически все маленькое, что в длину, что в ширину. Мама просит пройтись по улице в мундире, но мне совсем не хочется героем себя чувствовать. Думаю, вечером соберемся с теми, кого найду, да по традиции пообнимаемся и выпьем в стланнике горсада. Прошедшей ночью-то потряхивало, позвонила ложка в кружке, нередко тут такой тарелочный набат. Мои привыкли, не услышали, а мне – как в новинку опять, земля родная дала себя услышать.

Утро прохладное, но солнечное. Георгины и гладиолусы все в цвете и мелких каплях влаги. Марь пожелтела, время морошки и кислой клюквы по сторонам от побитого и заломленного тротуара, что был тропой в школу детства моего. В моей библиотеке ожидаемо нужных книг не оказалось. Поменялась библиотекарь, и все там поменялось. На полках затрепанно-оранжевый Майн Рид, серый Марк Твен и особенно зеленым подсвечивался Сервантес, кем-то еще не прочитанный и не удививший. Все вступительные планирую сдать на «отлично» и поступить. Если на учет, конечно, встану. Бумажки отправлю и буду ждать приглашения. Напишу, что комсомолец и отслужил положенное в Советской Армии. Сам-то так думаю, а где-то в глубине начинаю понимать, что учусь чему-то плохому. Или опыт приобретаю, или инстинкты просто включаются?

Вскоре уже и захолодало, заснежило, завьюжило. Книжки достал, в комнате тепло, и лампочка горит. Самое время читать и запоминать историю СССР и правила языкознания. Приглашение в конверте с фиолетовым штампом почтальон принес в апреле, еще по снегу. Скоро опять оставлять свой дом, теперь и не знаю, на сколько. Что-то не пускало меня в слесари и кочегары, что-то грызло изнутри и заставляло сидеть за учебниками и наизусть учить главы и абзацы, аксиомы и теоремы. Оно же подавляло радости встреч с друзьями и потребности в свиданиях. У той силы имени не было. Вроде как это осознанная необходимость. Мама, видя все мои ночные бдения и упертость, как-то тихо, но как всегда запоминающееся, сказала:

– Расти, сынок, хорошим человеком, но только в начальство не ходи.

Вот такое напутствие материнское в дорогу...

Улетал по июньскому холоду, еще кое-где с грязным снегом по огородам. Земля быстро исчезала в облаках, а в горле ледяной комок той самой осознанной необходимости, которая звалась Свободой. На материке тепло, парни в рубашках, девочки в юбочках. В аэропорту шумно и обстоятельно, пахнет шашлыком, а на ящиках продают редиску и черемшу. Большой красный лозунг в споре с большой афишей «12 стульев» с Мироновым и Папановым. Полицейский патруль и расталкивающие людей автобусы. Тут и я, в плаще болонья, с портфелем книжек, не встреченный, но с путевкой в жизнь. Это паспорт гражданина СССР, билет комсомольца и еще 80 рублей.

1619 – 400 лет – 2019

17 июня «Байкал» под командованием Невельского достигает северного Сахалина в районе мыса Елизаветы и огибает остров с запада, у мыса Марии. Вдоль его берегов направляется в Амурский лиман. Маневрируя с помощью местных жителей, Невельскому удалось то, что не удалось поручику Гаврилову: обнаружить вход в Амурский лиман, найти устье Амура и обследовать его. Выйдя из устья и отправившись на юг, он доказал, что Сахалин – остров, и в Амур можно заходить как с севера, так и с юга. До возвращения в п. Аян, 1 сентября 1849 года, Невельской обследовал и описал лиман и примыкающие районы северного Сахалина.

Помня о письме Гаврилова, он пытался искать доказательства присутствия русских в этих землях еще в 17 веке и следы «золотого русского бога». Из этого гиляцкого мифа пока было понятно только то, что за «богом русским» всегда охотились беглые, но страшнее были маньчжуры – то ли китайцы, то ли японцы, для гиляков они все были маньчжуры. Чем более жестоко они пытались найти этого бога, тем дальше гиляки его прятали. Где-то 200 лет продолжалась эта охота. Гиляки своих идолов прятали далеко от чужих глаз, но и «русского бога» по непонятным причинам почитали и оберегали.

Доказать аргументировано, что эти земли были открыты русскими еще в 17 веке, имело большое значение, в первую очередь для дипломатических отношений с Японией и Китаем. Невельской очень хотел добыть такие аргументы и верил, что они существуют. За гиляцким фольклором были реалии, но пока они были закрыты. 6 августа 1850 года Невельской основал Николаевский. Без каких-либо военных операций, мирным путем, крупнейшая территория Приамурья, Приморья и Сахалина фактически была закреплена за Россией. А.П. Чехов писал, что участники экспедиции совершили «изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека». Изучая территории и поднимая русский флаг во всех заливах, участник экспедиции Невельского Н. Башняк прошел пешком и на собаках все западное побережье Сахалина и вернулся в базовый лагерь, ободранный и чуть живой. В 1852 году он уже обследовал нижний Амур. Другой помощник Невельского, штурман Д. Орлов, открыл несколько водораздельных хребтов и основал на Сахалине три военных поста. Вплоть до середины 1850 годов, осуществляя свои исследования и описания земель устья Амура, Амурского лимана, Татарского пролива и острова Сахалин, Невельской не нашел доказательств существования «русского ковчега». Тема эта потихоньку затихла.

Миссия Невельского с декабря 1856 года была исчерпана, и он возвратился в Санкт-Петербург. Основной целью последних лет жизни Г.И. Невельского было написание книги об Амурской экспедиции. В 1875 году книга была закончена, о своих попытках найти следы «русского бога» в тех далеких землях адмирал по собственным соображениям не упомянул. Пройдут годы, и подтверждения тому найдутся на сахалинской каторге.

Напротив Пети сидел полный звезд генерал, суровый и политически нацеленный. Тот самый генерал, что в 1937 году арестовывал Белакуна, а с 1942 года был правой рукой Мехлиса и другом Розалии Землячки – тех людей, чьи имена воссияют на Кремлевской стене.

Он рассказал, что когда настоящие и бывшие вожди комсомола обсуждали свинью Б. Пастернака, шеф попросил его хрюкнуть для примера:

– Я хрюкнул, но, видимо, хвостом небодро вильнул и копытами неубедительно расшаркался, потому, верно, в таком мелком кресле и сижу сейчас.

Он положил руку на плечо Пете и по-отечески напутствовал: «Умей, сынок, переодеться быстро – это главное в нашей почетной работе!». И пророчески продолжил: «Придет время, натянете вы на себя одежды золотые, и троны под вами будут царские да боярские, только служить будете тому же хозяину».

Генерал исчез, Петя проснулся, сон был очень реален, видимо, последствие вчерашней длительной дискуссии по «апельсиновой сделке», по соглашению № 593. Петя горячечно убеждал ротных комсоргов, что две баржи апельсинов и израильский текстиль очень удачная цена за никому не нужные, истлевшие развалины. У Советской Родины свои святыни: Мавзолей и Кремлевская стена, Моральный Кодекс строителя коммунизма и красный флаг. Петя еще долго приводил примеры и аргументы. Комсорги, в общем-то, и не возражали, но он что-то распался.

Он не спал в общей казарме, у них с писарем в штабе было отдельное помещение, и столовались они отдельно. Петр Николаевич, когда пошел служить Родине, бумажку о награде комсомольской с собой взял, значок же запрятал у тетки в страхе потерять. В армии показал бумажку, кому надо, и на следующий день его уже определили в редколлегию «Комсомольского прожектора». Когда редактор на дембель ушел, то стал редактором. Работы было много. Петр Николаевич воспитывал нерадивых, ленивых, грязнуль, клеймил жизнь не по уставу, сам являя собой пример во всем. Руководство – и политическое, и военное – было довольно. Но сон, похоже, все же был вещий.

14 января 1964 года, в дверь постучался посыльный по штабу, и Петя помчался рысью в политотдел. Руководство выглядело взволнованно, но задачу поставили быстро, дав в помощь нерусского ефрейтора. Надо было бежать по казармам и во всех ленинских комнатах выдрать и вынести портреты волонтариста и похабника. А кого – не сказали, сам должен был догадаться. Чутье не подвело, все выдрал и вынес. Только куда это девать? Рискнул – и опять не проиграл: в огонь, в кочегарку. Доложил. Замначальника политотдела пообещал по демобилизации рекомендовать Петра Николаевича в университет марксизма-ленинизма. Начальник спросил его: «Не жалко ли будет расставаться?» А почему чутье не подвело? Петя уже давно замполитам оказывал услуги и подчеркивал красным для удобства прочтения в политинформациях основные мысли пленумов и конференций.

Весна 1966 года.

Осенью демобилизация, солнышко припекает, Петя преет у кинотеатра: решил, что правильно с солдатами-первогодками провести мероприятие в увольнении. Начальник штаба сходил с ним в бухгалтерию, и Пете выдали денег на десять билетов на фильм «Залпы Авроры». За две минуты до начала прибежал один ротный комсорг, а остальным за то, что пошли в другое место на «Операцию Ы», выхлопотал по два наряда на кухне. «Недоработки с личным составом», – сказали в политотделе после его доклада. В кассе кинотеатра билеты назад не взяли, пришлось Пете свои деньги отдавать. Но такие неудачи бывали редко, в основном, все было гладко, наутюжено и несгибаемо. Политработа на фоне устава и воинской дисциплины давала хороший эффект в патриотическом воспитании солдат-комсомольцев. Петру Николаевичу иногда становилось скучно. Он вырос из «Комсомольского прожектора», но чувствовал, что ждать осталось недолго.

Пришла осень, пришла пора гражданки. Замполит, куда-то спешив, пожал Петру Николаевичу натруженную, солдатскую руку и вручил обещанный памятный подарок – личную Петину фотографию, снятую при развернутом красном знамени воинской части. Вообще-то, хотели благодарственное письмо родителям, но Петя отказался. Да еще было письмо-рекомендация в университет марксизма-ленинизма. Хорошее письмо, с перспективой.

Поехал Петя в родной железнодорожный район с красным воинским билетом, полный перспектив и трудового рвения. Тетка была все такая же злая, притом стала неряшливой. Значок был на месте. В райкоме комсомола встретили радушно и пригласили в инструкторы орготдела. Пошел, зарплата не очень, а бегать много надо, налаживать, где не налаживается. Через два месяца зав. орготдела ушел в другой район, вторым. Петр Николаевич занял его место, теперь у него было аж два инструктора в подчинении, и он стал правой, доверенной рукой второго секретаря райкома комсомола. Петр Николаевич стал ходить в галстук и брюки гладить каждый вечер. В райкоме уживался плохо, не участвовал в частых коллективных пьянках по квартирам, и тем был подозрителен. Но первый секретарь был к нему благосклонен. Он тоже в тех пьянках не участвовал, и, как член бюро райкома партии, участвовал в каких-то других пьянках.

Прошла зима, первые проталины. Университет марксизма-ленинизма, факультет партийно-хозяйственного актива, приняли. Занятия с первого октября. Петр Николаевич чувствовал, что становится на рельсы. Райком проводил мероприятие за мероприятием, Петя был всегда на виду, подкованный и словоохотливый. Руководители среднего ранга охотно шли с ним на контакт, где-то чувствуя его недюжие способности пристраиваться, что влекло за собой карьерный рост. В начале марта Петр Николаевич попросил десять минут у первого и высказал ему мнение, что нужно от лица комсомола района опубликовать в местной прессе статью в поддержку тринадцати. Статья появилась, но только уже от районного партактива. Первый секретарь сказал Пете: «Петр Николаевич, вы далеко пойдете!».

Весна. Из окон пел Высоцкий, грачи прилетели, и у вокзала шашлычник, похожий на нерусского вида ефрейтора, раздувал мангал. 22 апреля – главный субботник страны, орготдел в бегах и заседаниях. Много несознательных и пьющих, Петя пытался их увещевать у киоска с пивом, но чутье подсказало ему, что надо уходить, иначе покалечат. Он сажал елки с пионерами, они горячились, пихались, и все с песней «Взвейтесь кострами...». Петя знал, как правильно написать отчет для бюро, и потому не волновался ни за явку, ни за активность. Красные лозунги развесили загодя, поэтому все выглядело празднично.

Тетка Петина всегда говорила, что шила в мешке не утаить. То, что в деревне было или утеряно, или украдено, так до сих пор и не найдено.

Дальше была дорога железная. Находился, нагулялся, сижу на вокзале, поезд после 12 часов. Следующим днем должен добраться в город, и к делам, с которыми, думал, будут связаны последующие годы. В плацкартном вагоне устроился вполне прилично, попутчики все разные, но словоохотливые под пиво «Таежное». Поезд гудел и пристукивал, наполняя ночь ощущением времени, бегущего только вперед. Прибыли на место в 14:30 по расписанию. Дальше все было понятно: трамвайчик и остановка с простым названием «Университет». Дверь, на ней объявление для абитуриентов: «Приемная комиссия в субботу работает до 14 часов». Завтра, в воскресенье, вообще не работают, куда же податься? Начиналось все как-то не очень, хотелось есть и определенности на эти два дня. По опыту – это на вокзал, на трамвае ехать недолго, задумал вернуться пешком, по центральному проспекту. Жарко. Спросил, где вокзал, показали пальцем вниз и вправо.

По своей ли я охоте решил срезать тогда по дворам? Тут все и началось. Позже выяснилось, что я зашел за здание тогда известного всем Торгового института, за которым стоит многоэтажное здание общежития этого же учебного заведения. И тут я забрел прямо в клеть спортивной площадки, дальше хода не было. Из окон общежития, как пчелы из улья, торчали девчонки-загоралки. Посреди этой спортловушки стояла огромная деревянная катушка, на которую был намотан толстенный кабель, а на катушке все ядовито желто-зеленое. На солнце блестели и отражались в свете бутылки вьетнамского ликера, что именовался «Полтора лимона». Много бутылок и народа много вокруг. Мальчишки примерно моего возраста к девчонкам пришли в гости. Надо было повернуться и уйти, но на меня уже обратили внимание, на паренька среднего роста, среднего телосложения, в болоньевой куртке и с дермантиновым портфелем.

Я спросил:

– Как дойти до вокзала?

Самый длинный из них, со здоровенными кулаками, налил полный стакан и протянул мне:

– Врежь, братик, с нами, и мы все покажем!

Ответ им не понравился, и началось. Видно, перед невестами им было стыдно нападать толпой на одного, все быстро успокоилось. Но, по традиции, подравшиеся сразу же подружились. Я соблазнился, в первую очередь, горой горячих пирожков, как оказалось, с китовым мясом, ну и в придачу, теплый, убивающий ликер. Сколько его было – неизвестно, как закончилось все – неизвестно.

Помню, что в общежитие так никого и не пустили. Помню, как девки кидали нам газеты, и мы утирались после жирных, но очень вкусных пирожков. Потом помню музыку, очень забористую, и много барышень с ляжками в чулках и на каблуках. Помню гардероб с курткой, портфель и полный уже провал.

Очнулся, открыл глаза и очумел: вокруг бабы голые совсем. Картинки из журналов, все стены обклеены. Красивые. Поднялся, сел, комната без окон, дверь. Если бы не сексуальное оформление, точно камера. Дверь не закрыта, вышел на улицу, сразу увидел наши барачные удобства побеленные. С окна на втором этаже машут, заывают. Поднялся по узенькой лестнице и по темному коридору. Двое моих вчерашних друзей в маленькой комнатке сидели за столом, по пояс голые, и пили, похоже, чай из зеленых солдатских кружек. Длинный улыбается: «Что, брат, плохо тебе?». Тут кое-что и разъяснилось. Что я сейчас в гостях у центральной городской братвы, нахожусь в Миллионке. Большинство из них в ней и выросло, в центре города. Кто, если и переселился, обитали все равно здесь, в этом мире кирпичных бараков, где в 19 веке хунхузы курили опиум, а в 20-м прятались подпольщики-партизаны. Эти люди мне были понятны и приятны. Вчера, как оказалось, мы были в варьете, на Морском вокзале, месте их постоянных тусовок. Оттуда и ляжки. Как бездомного, меня определили на постой в своих шхерах. А картинки из журналов им привозили и в изобилии поставляли моряки заграничавания.

Пройдут годы, я в этих людях не разочаруюсь. Большинство из них не станет ни активистами, ни фарцовщиками. Они с достоинством жили, сидели и дружили. Таким был мой первый день во Владивостоке, самом в те годы просвещенном городе Дальнего Востока, и с единственным в регионе государственным университетом.

Вот только в понедельник я не поехал со шпаной за кроватью. Я пошел задолго до открытия в приемную комиссию. Но нас это не разъединило, я с ними подружился навсегда.

Народу у входа было много, в 9:00 двери открыли, и я зашел, ответственно понимая, зачем я здесь. С детства меня беспокоил один вопрос, и я надеялся за этими дверями найти на него ответ: «Если у нас мать – Родина, то кто Отец? Когда мать зовет, и от ее имени сотворяется,

то что об этом думает Отец? Хочу понять, есть ли разница между Родиной и Отечеством? Хочу слушать научный коммунизм и научный атеизм, чтобы понять, что таких наук не существует. Хочу увериться, что расставленные по городам и весям моей Родины-матери идола – это язва на ее живом теле».

Но для этого первое и главное – надо встать на комсомольский учет. Документы приняли, я сдал экзамены и заселился в общежитие. Но если кто думает, что благодарителями были государство и комсомол, то ошибаетесь – то воля Отца.

В начале 20 века, Рони-старший написал, что человек взял огонь у природы. Это неправда, он был дан, когда кроманьонец проявил себя человеком. Четвертое проявление огня – суть душа человеческая. Все, что есть сейчас – это борьба за него, попытка отнять, что даровано Отцом. А цвет огня – красный.

1619 – 400 лет – 2019

8 мая 1887 года, в четыре часа утра, П. Андреюшкин, В. Генералов, В. Осипанов, Я. Шевырев и А.Ульянов в присутствии прокурора по прозвищу Ванька-Каин, приложившись к Кресту, были повешены в Шлиссельбургской крепости. Все студенты не раскаялись и не просили снисхождения. Лукашевича и Новорусского пожизненно заключили в крепость. Ананьин, Пилсудский, Пашковский, Шмидов, Кангер, Горкун, Волохов и Сердюков получили каторгу.

Б. Пилсудский также был осужден на смертную казнь, но царь (Удав) заменил смертную казнь пятнадцатью годами каторжных работ на Сахалине. С первых месяцев жизни на Сахалине он начал активно заниматься гиляцким фольклором, прямо в русском переводе. Изучал их язык и обычаи, собирал этнографическую коллекцию, одновременно работая на раскорчевке леса и скотником. По его инициативе была создана школа для детей аборигенов.

В одной из своих записок, Бронислав Осипович анализирует часто встречающиеся в фольклоре гиляков темы «русского ковчега». По мнению Пилсудского, эта тема пришла с устьев Амура на Сахалин более двух веков назад. Желаящих отыскать «ковчег с богом» было много. Это были прослышавшие про то беглые каторжники, но те вызвали недоверие аборигенов, так как постоянно пытались обложить их ясаком. С большим рвением к реликвии пробивались манчжуры (китайцы, японцы). Гиляки медленно впускали Пилсудского в свои родовые тайны, и он постепенно убеждался в реальности существования того «русского бога».

Не имея возможности самому проверить некоторые предположения и догадки, он пишет отставному лейтенанту флота Г. Зотову. В 1888 году Зотов в Петербурге добился права наследования Ахинского отвода тысячи десятин в сорока пяти верстах от гиляцкой деревни Лянгли. Зотов, человек энергичный и образованный, отвечает, что готов помочь Пилсудскому, но просит его четче формулировать задание по территории. Зотов в Петербурге отбил от Нобеля, рвавшегося в партнеры по разработке и добыче нефти.

Но не знал отставной лейтенант, что пройдут годы, и повзрослевшие комсомольцы запустят на гиляцкую землю зверей с жуткими хоботами и утробами. А потом будут активно отстаивать свою честь и достоинство в судах. А Григорий значит «бдительный».

У Пети новое назначение – в зарплате серьезно прибавил, член бюро горкома комсомола. Для роста такое назначение было необходимо – это живая работа на производстве с молодежью. Горком проводил грамотой с хорошими подписями. Учеба успешно продвигается, Ленин и Маркс улыбаются ему. От тетки хочется съехать, она уже какая-то заплесневелая и стала больше сквернословить. И готовит совсем плохо последнее время, хотя Петя стал ей больше денег выделять на хозяйство.

На новом месте он очень был заметен, всегда наглаженный, с папочкой и в начищенных штиблетах, среди не очень свежих коридоров и рабочих в спецовках. Он был на своем, приятном месте, в кресле на фоне красного флага и белого бюста. Работы было много, а если и немного, то Петя сам ее придумывал. Мало ли в молодежном коллективе аморального и чуждого. Такое наметанный глаз всегда узреет. Петя любил собрания и заседания, на них он был первым лицом и никому не давал забывать об этом.

1970 год. Сегодня пригласили на партком. Секретарь – молодой коммунист, сказал просто:

– Петр Николаевич, есть мнение поручить вам ответственный участок общественной работы. Наш большой производственный коллектив доверяет вам быть нашим представителем в Народном суде. Не сомневаюсь, что собрание коллектива согласится с нашим мнением.

Петя поблагодарил за доверие и стал дважды в неделю участвовать в роли народного заседателя в судебной тройке. Петю хвалили за правильность и твердость, что есть главное достоинство народного заседателя. Все это ему блестяще удавалось, но и не без проблем. Разбирали как-то дело по краже карманной, ясность была полной. «Вор должен сидеть в тюрьме», но вор оказался соседский по Петинутому детству, и, обнаглев, попросил последнее слово. Поднявшись, спросил судью: «Гражданин судья, а как этот, что от вас справа, в судьях оказался? Его еще в детстве кроме как сексотом не звали». Судья-женщина, второй заседатель – женщина в пиджаке с депутатским значком – объявили перерыв. Обе женщины очень эмоционально уговаривали Петю не обращать внимания на слова отбросов общества: «Плюнь на него!» Но плюнул он в сторону Пети, когда его выводили после объявления приговора. Судья это приняла, как плевок в сторону суда, пересмотрела приговор и прибавила к сроку еще пять лет.

Написав в местком об улучшении жилищных условий, Петя надеялся и опять не ошибся. После длинной речи директор предприятия вручил ключ от квартиры. Жизнь обретала семейные черты – двадцать семь лет уже. Какая бы тетка ни была плохая, но все же готовила и стирала. Сейчас все наслаждения были в комплексном обеде в столовке, да в чае с печеньем вечером. Надо бы хозяйку. Эта тема для Пети была совсем путанная и непонятная. Известно ему лишь из протоколов комсомольских разборок о нравственности, да из судебных решений о семейных страхах. Но сталь закаляется в лишениях, а девушки потом. Да и где они, те девушки в красных косынках с горящими глазами? Он очень боялся влюбиться, было две попытки и обе неудачные. У тех обеих репутация была не очень. Но Петя думал, что время придет, не зная, что время только уходит. Зато, узнав, что его имя означает «камень», возбудился и укрепился.

Учеба все затягивала глубже и глубже. Почему-то умная профессура вся пьющая: Восток, Рим, Средние века, философия и логика. Зато Новая и особо Новейшая история вся, как на подбор, – с горящим взглядом праведников. Шедеврален читающий историю партии. Умен доцент первобытного общества и археологии. Умен и заразителен. Видимо, давно в конфликте с правилами кафедральными и не только. Ученый в полном понимании. Достойный и гордый за то, что делает. Потому и без будущего, что для него свежие газеты – не руководство в воззрениях на научные проблемы.

У великих рек образовывались государства, потом одни съедали ближних, а затем и дальних, становясь империями, и флаги их были со львами, драконами, орлами и звездами. Лозунги же всегда были одинаковые и все во благо поработанных. Чем страшнее было рабство, тем благороднее пытались выглядеть рабовладельцы-джентльмены. Царедворцы раздавали и награждали своих приближенных землями вместе с людьми в вечное и безраздельное пользование. Ухитрялись одновременно кривляться перед образами и удовлетворять свои страсти в Римском пантеоне. Охраняли свое сословие всеми доступными средствами. Екатерина II шесть раз переписывала свое повеление по делу Дарьи Салтыковой, в девичестве Ивановой, пытавшей и убившей более двухсот своих крепостных. А предавших свое сословие казнили без долгого

разбирательства намыленной петлей. В том они были большие придумщики. На каторге применялись дополнительные воздействия к злодеям-дворянам. Так, сначала триста палок, потом клеймение железом, а потом уже повешение.

Это был век просвещенный, когда на русском говорила только чернь, романы были только французские, и дуэли, как романы, – о доблести и чести. Империя была покрыта гниющей чешуей рабства и попами-хриstopродавцами. Троекуровы – это мягонько и примиренчески. Уж очень велик поэт, чтобы совсем страшное хулить. А когда придет огненный ангел, тем, кто выжил и находился в Стамбуле и Париже, захотелось по-русски глаголить и стреляться среди березок средней полосы. Черни уподобились, заговорили по-русски. Только чернь говорила по-русски, а читать не могла, и сейчас лаптями топтала души их благородия. Разве мог победить рабовладельческий Юг? А белые рабовладельческие полки разбить красных? Огненный Ангел был красным, а красным вразумляют. Мне было не жаль никого, кто триста лет ничего не делал для собственного народа, которому когда-то был призван служить, а вместо того топтал и презирал, а потом и боялся. Понятие Чистого четверга как служения растворилось в англиканских мифах.

1619 – 400 лет – 2019

«Уважаемый Григорий Иванович! Сегодня у меня сложилась полная картинка того, что есть предмет поиска. Гиляки звали «русским богом» Крест православный. По их описанию Крест четырехконечный (византийский), по типу Благовещенского собора Московского кремля, на пяти якорь. Изначально он был в ковчеге из дерева, но тот был разобран. Длина Креста, думаю, в три локтя. В легендах цвет золота, но, вероятно, бывал в воде морской, потому может быть цвета чугуно-грязного. Возможно, на срезе желтый. Я думаю, скорее, это древнеримская литевая латунь. Если будет Воля Господня, и все получится, я Вам пришлю сопроводительное письмо и укажу лицо, к кому обратиться. Слышал, у Вас интерес по созданию общества во Владивостоке. Забегаю вперед. Все это, конечно, в том случае, если будет понятно, где искать, но все говорит за то, что это в стороне Ваших интересов. Буду информировать.

Счастья в служении Отечеству!

Искренне Ваш, Б. Пилсудский».

Вчера был на дне рождения у первого. Пригласил сам лично по телефону. Позже стало понятно такое внимание. Ротация кадров. Первый планировался третьим в горком партии, наш второй – на первого, а я на второго в горком. Планировали за три года вперед: первому будет сорок, второму тридцать пять, а мне тридцать. Работаю эти три года секретарем на производстве, оканчиваю университет марксизма-ленинизма, а главное – осенью 1973 года, на конференции, получить мандат делегата XVII съезда ВЛКСМ, а потом уже подвижки, и Петя в обойме.

Он хотел вторым: это агитация и пропаганда – красная нить общественной жизни. И прошло три года в трудах праведных, и в октябре прошла конференция, и Петр Николаевич стал делегатом от региона на XVII съезд ВЛКСМ. Прошла зима ожиданий, зима борьбы за то, чтобы быть достойным столь большого доверия. Он работал и готовился к таинству.

Хороша была весна этого года, ясно все зацвело, в начале апреля было уже летнее тепло. На предприятии перевыполняли производственные планы. Хорошие премиальные, похвальные грамоты и переходящее красное знамя ВЦСПС. Петя чувствовал свое прямое к тому участие. Нашли ему хорошее купе до Москвы и отправили с наилучшими пожеланиями.

23 апреля 1974 года делегаты съезда от 30-миллионного комсомола СССР в кулуарах Кремлевского Дворца съездов. Открывает съезд первый секретарь ЦК ВЛКСМ Тяжелников,

он предоставляет слово дорогому Леониду Ильичу. Делегаты, стоя, приветствуют Первый Всесоюзный ударный комсомольский отряд. После заседаний XVII съезда они напрямую отправляются покорять сибирскую тайгу. БАМовцы дали клятву самому дорогому Леониду Ильичу. Он вручил знамя командиру комсомольского отряда и даже пустил слезу от торжественности момента.

Петя честно растерялся от того, что так всего было много и в то же время так ему понятно. На груди его горел знак делегата съезда, переключаясь с красными звездами Кремля, которые вознеслись над Крестами Архангельского собора – памятника старины глубокой. Кто вспомнит-то сегодня упокоенного здесь Михаила Федоровича? А Петя чувствовал, что становится другим. Он сегодня видел Ленина. Он ощущал себя частью новой общности людей – советского народа, авангарда человечества. Теперь Петр Николаевич – номенклатурный, теперь он второй секретарь горкома ВЛКСМ с высшим политическим образованием и правом проведения бюро. У него новая множительная техника для директив по первичкам и еще пропуск в столовую и буфет горкома партии. В суде больше не заседает, другие предполагаются общественные нагрузки по агитации и пропаганде – это статьи в прессу и участие в региональных мероприятиях.

В этом году варилась похлебка из Солженицына. Пену сняли, а бульон совсем жидкий оказался и бесцветный, а хотелось, чтобы он был наваристый и красный. Ну уж как получилось.

Дела местного штаба тоже не оставляли Петра Николаевича. Не очень-то по масштабу должности, но пришлось по личной просьбе секретаря горкома партии вернуться в пионерское прошлое. Обезглавленный и поруганный Храм в селе исчерпал себя за десять лет как картофелехранилище. Современные подходы требовали сравнивать его со складками местности. Петр Николаевич подготовил идеологическое основание, мероприятие и лозунги субботника – это было частью его работы. Все остальное сделал объединенный комсомольский взвод учащихся, подкрепленный тяжелой техникой. Все получилось. Только опять вспомнили о пропаже Креста. Тема, хоть и не острая, но тогда недоработанная, сейчас чуть беспокоила. Сельчане выглядели насупленными, еще помнили двух своих покойников.

Дорогой Леонид Ильич 7 мая 1976 года, наконец, дослужился до маршальского звания. Осенью этого же года началось слушание в суде событий 8-9 ноября на большом противолодочном корабле (5 ПК «Сторожевой»). Углубляясь в революционную теорию, упрямо конспектируя классиков марксизма-ленинизма, Валерий Саблин стал идеалистом-революционером, за что и был расстрелян по приговору советского суда.

Я весь этот год оголтело занимался конспектированием тех же авторов плюс еще пяти-шести подобных. Таков учебный план. Учеба по расписанию, жизнь по графику, сессия в новом, 1977, году. Из дома вести не очень хорошие, отец еле ходит, болезнь его не лечится. Мама храбрится. От друзей вестей нет, видимо, хорошего ничего не случается. Мама пишет: «Соседка спрашивает, где же твой сыночек. Я отвечаю: в университете. Так соседи уверенно кивают, что многие сейчас в университетах, да еще и не по первому разу». А на мари цветет морошка, и жаворонки поют любимые песни детства. Третий год пошел, как зарекаюсь обязательно поехать на неделю домой. Желание увидеть и услышать дом аж в ноздрях щекочет, но нет пока возможности. Много услышано и прочитано. Одно желание, чтобы на все это собственное мнение как можно позже стало оформляться. Хожу на комсомольские собрания. Оголтелые приспособленцы и лицемеры на факультете были кратко отвратительнее, чем в ротной стае в стройбате.

Фарцовщики, они же комсомольские активисты-ударники, сеяли вокруг себя то, что потом прорастет торгашеством и блатом. Но я знал, зачем сюда пришел. Учил источники и составные части марксизма, «Антидюринг» и «К первоначальному христианству». Профессура была разная: которая интересная и умная – та на плохом счету, а те, кто защищался по

таким темам как «Ленин и Южная Корея», были на хорошем счету. Староста воевал за посещаемость лекций, комсорг – за коллективно-комсомольское лицо курса, а деканат за то, чтобы не просмотреть какого-нибудь нечестивца Саблина. Все смотрели во все глаза, а глаза были красного цвета, который не может быть бледно-красным, он должен быть багрово-красным, как рассвет в «Неуловимых мстителях».

1619 – 400 лет – 2019

«Уважаемый Григорий Иванович, пишу Вам, полный оптимизма. Уже наглядно представляю расположение святилища аборигенов, где с большой вероятностью находится искомое сокровище. Местные жители так расположены ко мне, что готовы сопроводить туда. Вообще, люди очень добрые и во многих ремеслах сноровистые. Также в своих верованиях языческих упорны и скрытны. Но, с Божьей помощью, дверь приоткрывается. Не повезло со временем, во Владивостоке пребывал великий князь Александр Михайлович. Хотелось бы до него донести сию благую весть, ибо этот предмет имеет прямое касательство царской фамилии. Но будем надеяться на благополучный исход. Очень рассчитываю на Вас. Если Вы мне загодя сообщите примерные даты Вашего отбытия во Владивосток, я справлю Вам карту и отправлю аборигенов-проводников с собаками и упряжью.

Уверяю Вас в полной к Вам расположенности, Б. Пилсудский».

1975 год. Здоровье генсека стало серьезно сдавать. В стране застой. Петр Николаевич постепенно стал приобщаться к номенклатурной выпивке. Там, где он сейчас стал бывать, не принято было отказываться пропустить по-доброму. Как не выпить, когда танк Т-54 армии Северного Вьетнама с красным флагом на башне протаранил ворота Дворца независимости в Сайгоне и закончил войну? А в июле полет «Союз-Аполлон» и стыковка на орбите. А в декабре, опять же, ТУ-144. Стала нравиться Пете такая жизнь за горкомовским буфетом.

Привилегии в государстве «всеобщего равенства» – это сладко. Особо, когда подавляющее большинство граждан в нищете. Но именно в это время из общей массы выделяется «золотая молодежь». Скрывать разницу в уровне жизни стало намного сложнее. Элита развлекалась по-своему: рестораны, молодежные кафе, рок-н-ролл и твист, а также перепродажа джинсов – мечты всех советских студентов. Но для городского комитета и Петра Николаевича не эта молодежь была головной болью и рабочим материалом, а те, что проводили все свободное время во дворе, а зимой в убежище подъездов. Те, что субботу ждали с нетерпением, ведь по субботам были дискотеки в общежитиях, дворцах культуры и сельских клубах. Выпивали бутылку портвейна на пятерых человек, и, если не было ВИА, танцевали под магнитофон. Этот контингент, по глубокому Петинскому убеждению, был опасен и происходил он из неблагополучных семей. Комсомольская пресса их нещадно критиковала. Их постоянно рассматривали на комсомольских активах, они становились главными объектами дружинников и патрулей.

Должностной профиль службы Петра Николаевича связан был с идеологией, и как в СССР ни огораживали молодежь от чуждой и вредной информации, все равно западные течения и субкультуры доходили до нее. Петя ужасался, что те все это с радостью воспринимали. Секретарю Пете все это представлялось покушением на все советское и сытое. Со временем на службу коммунистической идеологии комсомол привел мышцы, клетчатые штаны, значки с Лениным, тренажерные залы и ненависть к неформалам и тяжелой музыке. С лозунгом «Бьем не всех подряд, а только тех, кто нам не нравится». Хулиганов и уголовников тоже развернули на патриотические рельсы против «не наших». Если кому-то мерещится, что это само себя породило, то остыньте. Это все родилось и направлялось из кабинетов магов советской идеологии. Весь этот силовой фронт в девяностых перейдет в бандитские формирования и прольет

кровь своих соотечественников. Но кровь-то красная, а красный – цвет коммунизма, который хоть и наступил в восьмидесятом году, но державные придурки держали за горло мертвой хваткой. Они жили в раю и были уверены, что выстроенная ими система будет жить вечно. Петя не мог думать по-другому, потому что он думал так же.

Учеба – учебой, не назовешь легкой. Помимо нее еще была жизнь в общежитии. Жизнь такая, что стремится к режимной, но не в смысле соблюдения нравственности проживающих, а скорее, коллективно- стадно- типовому проживанию. Подъем – отбой, ушел – пришел. В 23:00 проверяли, чтобы все легли, в 8:00 – чтобы все ушли. Опять же студсовет с разборками и докладными в деканат. Актив – пример для подражания.

С одним таких активистом студсовета, членом КПСС, который, как и я, был после демобилизации, довелось мне жить в одной комнате. Олег был роста малого, с ранними залысинами, похож на Ильича, чем явно гордился. Он был очень разговорчив и любил принципиально высказаться по всем острым и не острым вопросам. Выпытав как-то, где я служил, он стал относиться ко мне с опаской. Но природная живость характера и любовь красочно рассказать никуда не девались. Самой восхитительной темой были его отношения с Анечкой, первокурсницей с математического факультета. Олежек день через день рассказывал о ее чудном характере, прекрасном воспитании, готовности к вечной верности и материнству. Вот такие еще девочки бывают в русских селеньях, и он счастлив, что встретил такую прекрасную и женственную. Иногда приводил ее попить чаю, да и, похоже, без меня приводил чайком побаловаться. Девочка была роста немалого, с хорошо развитыми формами, с зелеными глазами, улыбчивая. Похоже, сильно в моего соседа по комнате влюбленная. Она его звала «мой», а он ее – «моя». Идиллия конца семидесятых годов в СССР.

Как-то стал обращать внимание, что Олег стал приносить и уносить пакеты с буржуазными надписями. В пакетах было что-то ровно упакованное, приглаженное и какое-то таинственное. Про них он не рассказывал, даже в порывах своих вечерних и полуночных словоблудий. Да мне было и неинтересно. Я вживался в образы и смыслы учений классиков и законодателей текущей жизни, в которой так вольно дышит человек. Вразумлялся, но конфликт назревал, такой очень местного значения, но лиха беда начало.

Весна – прекрасная пора. В коридоре общежития как-то днем встретился с Аней, Олежека музой. Она была по меркам и моде этого дня одета восхитительно, в сарафане из джинсы с железными пуговицами и железными бляхами. Прямо шло ей. Не смог удержаться от похвал. И она поведала в радостях от обретенного счастья, что копила деньги еще со школы, мама помогла, последняя стипендия, и еще чуть-чуть должна осталась, а Олежек приобрел и приодел. 220 рублей, вот аж как. Я-то понял давно, что друг ее фарцует, и случайно вчера слышал разговор, что наш активист приобрел его за 160 рублей, а ей продал, получается, за 220. Это была плата за любовь в мои засранные уши.

Тут и началось. От него – заявление в деканат о невозможности проживания совместно, о невозможности подготовки к занятиям и соблюдения режима. В заявлении членство в КПСС прошло красной нитью. Я не успокоился и чуть не лишился статуса студента. Но учась опять же чему-то плохому, согласился на версию несовместимости характера. Но почувствовал, что ко мне стали присматриваться. А высокая и грудастая Анечка в красивом сарафане и маленький, лысоватый Олежек, как и прежде, расхаживали под ручку и щебетали голубками. Только чаевничали уже в другой комнате общежития. Анечка знала правду, но любовь – это сила и стоит, конечно, дороже, каких-то сраных шестидесяти рублей. К слову, Олежек скоро пропал без адреса отбытия, и только через много лет его видели сторожем-охранником в «Эрмитаже», уже с бородкой-клинышком.

1619 – 400 лет – 2019

«Уважаемый господин Зотов!

Так как аборигены предрекают зиму лютую и снежную, а по нашему маршруту двигаться можно только по малому снегу, пишу с ответом. Карту составить возможности не представилось за отсутствием даже циркуля и транспортира. Отписываюсь по ориентирам. Обещают, что добраться на собаках при благоприятной погоде можно в два дня. Но вы можете даже в один день уложиться, если с ними встретитесь в обозначенный день, на месте, ими определенном. Это Медвежье озеро, когти четвертой лапы. Я сам разумею, что это самая южная часть обозначенного озера. Район Вашего присутствия они всегда обходят с юга, считая Ваши земли грязными. Они до того места пойдут строго на юг, до устья реки Нельма, а потом на запад, к Медвежьей лапе. Это займет у них день. Второй день вам придется путешествовать вместе, опять строго на юг, до озера Гиляко-Абунан. Пройдете озеро, потом по ключам, к восточному побережью, в залив Уркт, и пойдете по льду залива к месту, сразу заметному своей высокой сопкой по имени Сахарная голова. Аборигены, существуя на марях и болотах, хранят предание о потопе, когда всех их богов поглотило море, и теперь из поколения в поколение, святылища располагают только на таких недоступных воде местах. В этой сопке, в тайниках, они хранят свои святыни, и, волею судеб, и наша там сохранилась, надеюсь очень. Вас туда могут не пустить, не настаивайте. В этом они очень упрямы и несговорчивы. Заберите наше, и к себе тем же путем. Нарочный с письмом должен Вам передать амулет, смысл его и мне непонятен, но Вам его надо передать при встрече, на когтях медвежьих. Как ключи замерзнут, надо двинуться, день Вашей с ними встречи я сообщу.

Пока извиняюсь, но письмо во Владивосток сейчас придерживаю. Вы, понятно, вникаете, в мое сегодняшнее положение. Не сочтите то за недоверие. Все мои надежды на удачу в Вашем походе.

Искренне Ваш. Храни Вас Бог.

Б. Пилсудский».

С конца 1979 года жизнь Петра Николаевича стала обретать активно-таинственный характер. Это было связано с пропагандистским обеспечением ввода советских войск в Афганистан. Главный тезис – это оказание народу и правительству Афганистана помощи против внешней агрессии. Других целей нет.

ЦК ВЛКСМ концентрировалось на подготовке «мушаверов» – пропагандистов и советников, которые должны были увлечь молодежь Афганистана в строительство социализма. Все это даже на уровне городских комитетов обсуждалось в секретности, только в доверенном кругу и под контролем кураторов КГБ. Петр Николаевич входил в этот круг.

29 декабря 1979 года советские войска с развернутыми красными знаменами пересекли границу. Спешно в Москве было оформлено избрание генеральным секретарем ЦК НДПА Бобрака Кармалая, опять же тайно накануне прибывшего в СССР.

29 декабря того же года отряд советских спецназовцев захватил президентский дворец. Амин и его сыновья были убиты. Петя чувствовал свою причастность к событиям и гордился, что он – современник героического прославления красного знамени. СССР узким кругом маразматиков был втянут в гражданскую войну и стал ее активным участником. Атеисты-советники ЦК ВЛКСМ создавали вооруженные формирования из афганской молодежи для прочесывания кишлаков и участия в боевых действиях. Эти формирования назывались «бригады общественного порядка», талантливые агитаторы- атеисты смогли туда привлечь даже афганских девушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.